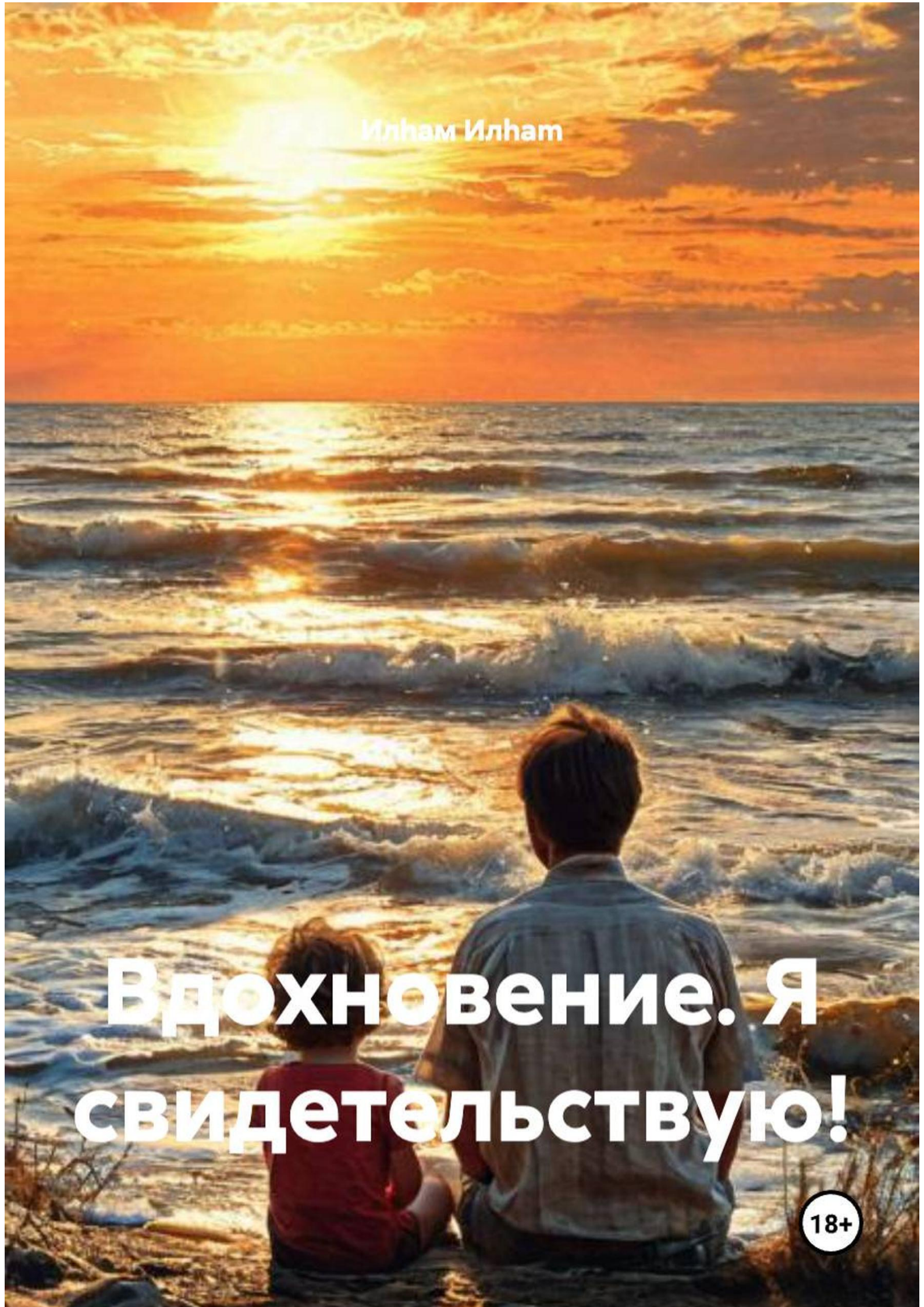

A man and a young child are sitting on a rocky beach, looking out at the ocean during a vibrant sunset. The sky is filled with orange and yellow clouds, and the sun is low on the horizon, reflecting on the water. The man is wearing a light-colored shirt, and the child is wearing a red shirt. The overall mood is peaceful and contemplative.

Илһам Илһам

Вдохновение. Я свидетельствую!

18+

Илһам Илһам

Вдохновение. Я свидетельствую!

«Автор»

2026

Илһам И.

Вдохновение. Я свидетельствую! / И. Илһам — «Автор», 2026

Он потерял смысл жизни и отправился в прошлое — к самому себе, пятилетнему мальчику по имени Вдохновение. Вдвоём им предстоит пройти путь длиною в полвека: от бедного детства на берегу Каспия до зрелости в Сибири, от чистоты первых молитв до сложных взаимоотношений взрослых, от обретения великой любви до её потери. Эта книга соткана из поэтических метафор и подлинной памяти. В ней снег идёт хлопьями размером с голову синицы, а в ливень можно ухватиться за струйку и подняться в небо. Здесь быт и обычаи азербайджанцев и талышей переплетаются с мистическими полётами души, а история целого народа идёт рука об руку с историей одного человека. Это честный рассказ о свете и тьме, о верности и предательстве, о запретной любви, что длилась двенадцать лет и оставила шрамы, затянувшиеся лишь словами. И о главном открытии: свет, который мы ищем вовне, всегда горит внутри.

© Илһам И., 2026

© Автор, 2026

Илһам Илһам

Вдохновение. Я свидетельствую!

От автора

Это книга — художественное произведение, основанное на воспоминаниях автора. Все персонажи, за исключением членов моей семьи, являются творчески переосмысленными, собирательными образами. Их имена, характеры и обстоятельства жизни были изменены. Любые возможные совпадения с реальными людьми, их поступками или судьбами, являются случайными.

Жене и детям.

Вы являетесь самыми дорогими мне людьми на свете. Эту книгу я изначально написал по просьбе Эмилички. Но когда закончил, то понял, что только первая половина для нее, а вторую половину я написал для себя, чтобы очиститься и высказать все то, что скопилось в душе.

Так же эту книгу пишу, чтобы от нас осталась память следующим поколениям. Ведь человеческая жизнь пройдет в мгновение ока.

Вам лучше не читать эту книгу, а в лучшем случае прочтите до половины. Но если вы вдруг прочтете полностью, то простите, если где-то вам станет больно. В ней есть страницы, которые могут ранить. В ней вы найдете меня таким, какой я есть на самом деле. Хотя не все из жизни я посмел включить в книгу, и то, что я включил, может шокировать вас.

Я написал, чтобы вы знали: жизнь оказалась сложнее, чем кажется. Но в ней всегда есть место любви, даже после самых страшных падений.

Спасибо, что вы есть.

Благодарности и источники

Автор выражает благодарность всем, кто помогал в создании этой книги.

- Стихи Насими цитируются в переводе К. Симонова.
- Строки из стихотворения «Getmæk istäyirsən bəhanəsiz get» («Уходи, не ища оправданий») — Нусрат Кесеменли (авторский перевод).
- Отрывок из письма Татьяны к Онегину из романа «Евгений Онегин» — А.С. Пушкин.
- Стихотворение «Durnalar» («Журавли») — Гасым бек Закир.
- Отрывок из поэмы «Heydər baba» («Гейдар баба») — Мухаммад Хусейн Шахрияр (авторский перевод).
- Слова песни «Sənə görə» («Ради тебя») — Роя Айхан (авторский перевод, авторства текста установить не удалось).
- Слова песни «Beni Çok Sev» («Люби меня много») — Таркан (альбом «10», 2017, авторский перевод).
- Слова песни «Qurban olum» («В жертву пойду») — Эльнур Валех (авторский перевод).
- Стихотворение «Mənim anam» — мерсие (религиозное песнопение, авторский перевод).
- Песня «Balıqların şahı ölüb dəryada» («Царь рыб умер в море») — азербайджанская народная песня (авторский перевод).
- Цитата из «Книга воина света» — Пауло Коэльо.

· Исторические письма П. С. Котляревского и Садык-хана цитируются по архивным источникам.

· Авторство некоторых цитируемых стихов и песен установить не удалось. Если кто-то узнает свои строки, автор будет рад указать ваше имя.

Оглавление

Введение

Пролог

Новосибирск. Февраль 2026

Ленкорань. Февраль 1976

Дорога на юг

Встреча с Вдохновением

Ханский дворец

Базар — мечеть

Встреча дома

Разбивание кувшина

Кто любит папу

Четыре чершенбе

Новруз

Дедушка и Бабушка

Лейсан

Восход

Интернат

Хлеб

Тарная база

Ашура

Артек

Крепость

Первая любовь

Свет внутри

Разговор о главном

Расставание

Возвращение

Рига. Учёба

Армия

Рига. Возвращение

Светлана

Полёты

Дорога на север

Ишыг

Рождение сына

Отношения с Ишыг

Язык

Отец

В гостях у Интизама

Астана. Новая жизнь

Рождение дочери

Партнёры

Трагедия
Греза
Юбилей мамы
Первый стих
День рождения Грезы
Запретная любовь
Предостережение мамы
Вдохновение с мамой
Туфандаг
Мама
Сатан и Греза
Новый год
Новое дело
Война
Дом
Хазар. Берег
Подвал
Рассвет с Грезой
Беременность
Баку. Фирма
Письмо Грезы
Возвращение. Саратов — Баку
Изменение доли
Письмо Вдохновения
После дня рождения
26 февраля 2025
Накануне
Суд
После суда
Я свидетельствую
Мысли о главном
Память
Эпилог

Введение

Его зовут Вдохновение. Ему пять лет. Я знаю все его мысли — потому что сам был им.

Я и есть он, только на пятьдесят лет старше и на пятьдесят лет мудрее. В этой книге я, пятидесятипятiletний мужчина, потерявший смысл жизни, отправляюсь в 1976 год — туда, где ещё не умел лгать самому себе. Мне предстоит заново пройти все испытания, которые выпали за эти полвека.

Я оживу на этих страницах маленьким мальчиком. Это плод моей памяти, а не фантазии. Мы будем искать то, что волнует не только нас, но и миллионы людей на земле: где тот свет, к которому мы все стремимся? В чём смысл жизни? Что с нами будет, когда мы уйдём в вечность?

Эта книга написана языком поэтических метафор. В ней переплетаются быт и обычаи азербайджанцев и талышей — народов, представителем которых я являюсь. Здесь снег падает хлопьями размером с голову синицы, а в ливень можно ухватиться рукой за струйку и подняться в небо. Здесь мусульманские традиции дышат рядом с мистическими полётами героя

в небо, где он ищет свет. История талыша идёт рука об руку с историей маленького мальчика, который вырастет, ошибается и учится прощать.

Но в этой книге не только свет. Я увидел, сколько предательства и верности умещается в одном сердце. Сколько раз духовный подъём сменялся моральным упадком, а невинность детства — сложностью взрослых отношений. Я увидел тьму в себе и в тех, кого любил. И не смог бы написать эту книгу честно, если бы не показал обе стороны.

Это история о поиске смысла и о любви, которая осветила собой всё — и всё сожгла. О женщине, которая стала для меня и величайшим счастьем, и величайшей болью. О запретной любви, которая длилась двенадцать лет и оставила шрамы, затянувшиеся только словами.

Мы с ним вдвоём прошли по этой дороге. Иногда я вёл его, иногда он вёл меня. Мы вместе увидели то, что я помнил, и то, что я пытался забыть. Мы вместе нашли свет — не в конце пути, а внутри. Этим светом я теперь делюсь с вами.

Пролог

Пустыня. Кербала.

Караван идёт больше двадцати дней. Люди измотаны. Двое детей сидят на одном верблюде, поклажа на другом. Рядом женщина держится за узду и ведёт их в конце каравана, чуть отставая. Она идёт молча и думает: «Скорее бы закончился путь». Впереди вереницей идут верблюды и люди, укутанные в длинные свободные халаты и головные платки-куфии, которые защищают их от солнца. Такое ощущение, что караван идет своим путём, а женщина с детьми, своим.

Женщина часто оглядывается назад. Ей кажется, что кто-то едет за ними верхом, то появляясь, то исчезая. Иногда ей чудится мираж, но, приглядевшись, она различает силуэт человека в белой чалме и чёрном аба (накидка у арабов поверх одежды). Как только она видит всадника, он тут же растворяется в воздухе. Каким-то материнским чутьём она знает: кто-то за ними наблюдает. Это пугает её. Она боится не нападения, а потерять сознание от жажды и оставить детей одних.

Когда караван останавливается на ночлег, она бережно спускает детей и первым делом даёт им воду. Дети жадно, большими глотками пьют живительную влагу. Она понимает, что вода вот-вот на исходе и отказывается пить: «Не хочу, нет жажды». До Евфрата еще два дня пути и не знает, чем будет поить детей эти два дня, но надеется. Может, у кого в караване ещё осталась вода. Но воды ни у кого уже нет. Те капли, что остались у других они берегут для своих маленьких детей.

Она никогда не теряет надежду. Набожность ведёт её по жизни и не даёт сбиваться с пути. Она мечтает для детей той жизни, которую желают все матери земли.

Мальчики устали. Солнце и песок словно договорились препятствовать их путешествию. Море песка и барханы растянулись, куда хватает глаз. Они не понимают, от чего устали больше: от бесконечного пути, от беспощадной жары или от песка, который забирается в одежду, в рот, в глаза.

Несмотря на усталость, дети помогают маме ставить небольшую палатку рядом с лагерем. Женщина знает, что вместе с караваном они дойдут до Евфрата, и там их пути разойдутся.

Достав финики и утолив голод, мать поит детей остатками воды. На дне бурдюка остается несколько глотков. Она бережёт их до утра.

Приняв омовение песками пустыни, она становится на молитвенный коврик, который носит с собой везде, и совершает намаз. После намаза, не отрываясь от направления на Мекку, поднимает голову к небу и просит у Бога милости. Благодарит Его за прошедший день, за пищу

и воду. Она всегда благодарит Бога, даже если её пищей служит засохший кусок хлеба. Знает, если не Он, и этого хлеба не было бы.

Обнимает детей и говорит:

— Аллах нас не оставит. Осталось немного пути, надо потерпеть.

Она их обожает. Обнявшись, они засыпают.

Ночью женщина просыпается от необъяснимого ветерка, который заставляет открыть глаза. Она выходит из палатки и оглядывается: кругом темно. Вдалеке видит небольшое свечение. Странно, думает она: «Отставших от каравана не было, позади шли только они. Откуда этот свет? Кто там? Почему тот путник не догоняет караван? Может, у него есть хоть немного воды, и он поделится с ними, хотя бы для детей».

Возвращается в палатку, ложится со своими сокровищами — детьми, но сон не идет. Всё думает, но не может найти ответ. Утром дети завтракают финиками и опустошают бурдюк. Матери достаточно несколько фиников, лепешки давно закончились. Она собирает палатку, навьючивает на верблюдов поклажу и детей, и караван трогается. По следам каравана никто не идёт. Но она «его» чувствует.

Караван поднимается на очередной бархан. Вдали видна буря, которая движется на них. Караван останавливается. Нужно усадить верблюдов и спрятаться за ними, как за щитом. Буря накрывает их так стремительно, что люди не успевают опомниться. Слышны крики детей и рёв верблюдов. Люди зовут на помощь. Кажется, сам Азраил, ангел смерти, спустился в этот день с небес.

Женщина крепко прижимает к себе детей и молится. Она должна спасти их, даже ценой своей жизни. Буря накрывает их, и она так молится, что небеса не могут остаться безучастными. Над ними появляется всадник — в белой чалме, в чёрном аба. Лица она не видит, оттуда исходит приятное свечение. Всадник накрывает её с детьми своим аба.

Она теряет счёт времени. Вдруг всё стихает. Открыв глаза, она видит, что никого нет, только она с детьми. Они спасены. Она читает благодарственную молитву от всего сердца и знает: небеса слышат.

Новосибирск. Февраль 2026

Я закрываю глаза и вижу Дорогу. Дорогу, зажатую между горами и морем шириною в долину. По ней уходят все те, кого я любил. По ней уйду и я. Но перед тем, как уйти, я должен сказать.

Когда-то в моей жизни была женщина. Я любил её невыносимой любовью. Сам не верил, что на земле бывает такая любовь. Думал, только в поэмах и в стихах великих писателей пишут о такой любви. Я сказал ей однажды, что про такую любовь надо писать книгу. Она обрадовалась и согласилась. Изредка интересовалась, пишу или нет. Надо было писать тогда, когда чувства были на вершине, когда душа обнажена, когда каждый день как последний. Тогда человек готов выложить все краски жизни, воспевать возлюбленную, не боясь показаться смешным.

Но время прошло. Любовь уничтожили те, кто в жизни не умел любить. А во мне эта любовь живет, она меня разрушает. Если я не выскажусь о ней и о своей жизни, я сгорю дотла. Но никак не мог решиться.

Несколько лет назад я намекнул дочери, что хотел бы написать книгу.

Она восприняла это с интересом. А недавно спрашивает:

— Пап, помнишь, ты обещал книгу написать?

— Да, помню — отвечаю я.

— Когда напишешь?

— Как-нибудь. Наброски есть, но никак не могу собраться с мыслями.

— А для чего тебе книга?

- Интересно узнать про твою жизнь.
- Правду написать или приукрасить? — спрашиваю я.
- Правду, — говорит она.

И вот я сижу и думаю: а смогу ли я написать книгу? Раньше я хотел написать роман о любви, где герои имели бы другие имена, и никто не догадался бы, что речь обо мне. А дочь просит написать про мою жизнь. Ведь не могу написать всю правду, которая во мне. Как сказал Насими: «В меня вместятся оба мира». И я знаю, в меня тоже вмещаются оба мира, светлый и темный. Как быть? Писать всё как есть? Или что-то утаить, оставить в глубинах памяти, не обнажать? Что она будет думать об отце, прочитав эту книгу? Каждый ребёнок хочет идеализировать родителей. Видеть в них героев, примеры, людей без страха и упрёка. А что, если я упаду с того пьедестала? Что, если в её душе я стану немного ниже? Не такого отца она мечтала видеть. Вдруг она скажет: «Ты любил другую женщину». Вот в чём мои сомнения и мои страхи.

Я принимаю решение и начинаю писать. Говорю ей осторожно, намёком:

— Если я напишу книгу, ты прочтёшь её после того, как тебе исполнится 30 лет. Потому что я здесь пишу правду. Хочу, чтобы ты знала настоящего отца. Не идеального, не приукрашенного, не того, которого ты, может быть, придумала в детстве. Со всей моей болью, со всеми ошибками, со всей любовью. Да, я любил других, ошибался, падал, но я вставал. И каждый раз, когда я вставал, я думал о вас.

После тридцати лет она, будучи взрослой лучше меня поймет, чем сейчас. Я пишу книгу. Ничем не занимаюсь, только пишу. Днём и ночью. Тороплюсь, будто кто-то, зная какую-то тайну, толкает меня к быстрому завершению. Пишу и иногда сам запутываюсь, где я взрослый и где маленький. Пишу ночами, а под утро иду спать. Лежу, думаю о мальчике и образы оживают. Не понимаю, где сон, где мысли. Границы стираются. Сплю пять часов, и снова за книгу. Днём глаза закрываются, иду отдохнуть. Засыпаю минут на тридцать. Просыпаюсь, опять пишу. Такая мания: продолжать книгу, будто завтра не наступит.

Вижу сны, но многое не помню. Постоянно вижу одни и те же. То иду по тёмному городу, на меня нападают люди. Пытаюсь убежать, свернуть на другую улицу, и не получается. Подходят, отбирают деньги, и я остаюсь ни с чем. Переживаю, что остался без средств.

То лев нападает, и я убегаю, пытаюсь спастись. Иногда удачно, иногда он набрасывается на меня, и я просыпаюсь. Часто вижу, что умираю. Не боюсь смерти, но борюсь с ней. Просыпаюсь и осознаю, что происходит в момент смерти. Все мирское отходит на второй план. Чувства замыкаются внутри. Одна часть направляется к памяти вспоминая тех, кого любил и с кем скоро встречусь. Другая часть внутри блуждает, хочет за что-то зацепиться и вытащить меня из этого состояния.

Просыпаюсь в пять утра. Увидел сон и почему-то запомнил, хотя и маленький кусок. Вижу: поднимаю маленького мальчика на вытянутые руки, щекочу его, и мы смеёмся. Играю с ним, как с сыном в детстве. Но это не сын. Это тот мальчик из моего детства — я в маленьком возрасте. Я это чувствую нутром, я с этим живу. Мы смотрим друг на друга и хохочем без причины — просто оттого, что мы вместе. В этом коротком сне было что-то родное и непередаваемое.

Нас у родителей было шестеро. Ор стоял, когда мы в детстве играли. Как в детском саду: кто орёт, кто плачет, кто поёт. Мама часто нас успокаивала окриком:

- Перестаньте кричать! Вся мехелле (улица) вас слышит!
- Мы так играем! — отвечали хором.
- Если я не буду на вас кричать, вы не станете послушными.
- Мы становились тихими, общались и ругались втихую.
- От мыслей меня отвлекает Ленор.
- Иди кушать, а то в последнее время совсем ничего не ешь.

После еды сажусь писать. Она видит, что постоянно пишу, но молчит. Я не обсуждаю с ней книгу. Сперва подумал, что она не поддержит, а потом это переходит с ее стороны в молчаливое согласие. Это не книга, а исповедь. И честно сказать, не хочу, чтобы она когда-нибудь её прочла. В лучшем случае после того, когда уйду в вечность. Уже поздно. Надо идти спать. Закрываю компьютер, ложусь. Спать хочу, но не могу. Бессонница мучает.

Утром не выдерживаю и рассказываю ей про книгу. Сперва она относится скептически. Читаю ей немного, и она одобряет. Но всё равно говорит, чтобы я убрал какие-то строки. Я не хочу. Пусть будет так, как написал. Теперь она знает про книгу. Камень с души снял.

Утро морозное, чуть мягче, чем присуще февралю. Тридцатиградусные морозы прошли, на улице относительно тепло. Вечером идет снег плотный, большими хлопьями. Если бы не простуда, вышел бы на улицу и бродил по заснеженным дорогам один среди белой тишины.

Вспоминаю зиму в Ленкорани. Снегопад там был чем-то особенным. Для меня снег в Ленкорани всегда был радостью, суетой, какой-то волшебной атмосферой, которая не объясняется словами, а только чувствуется дыханием. Там снег падает большими хлопьями. И этот снег не простой, он из сказок, которые рассказывала мама.

Особенно я люблю смотреть на снег вечером при свете фонаря. Снежинки кружатся, сверкают в его лучах и бесшумно ложатся на землю. Они огромны, каждая величиной, как у нас говорят, с голову птицы (гуш башы). Должно быть, синички или воробья. Белые, пушистые, словно само небо крошит облака и бросает их на землю. Они падают медленно, кружась, будто не хотят расставаться с небом, но всё же ложатся на крыши, на тротуары, на ветки деревьев, сгибают их до земли своей мягкой тяжестью. Бывает, за одну ночь насыплет пятнадцать, а то и двадцать сантиметров. А случается, в какой-то год за один день выпадает полметра снега. И тогда город замирает. Общественный транспорт не ходит, машины застревают в сугробах, автобусы не решаются выезжать на ещё нечищенные дороги. Да и дороги в Ленкорани никогда не чистят от снега. Снег сам тает. Люди сидят по домам, и человеческая суета вдруг стихает. А вместо неё просыпается другое.

В морозном воздухе отчётливо, почти по-домашнему, звучат голоса синичек и воробьев. Они перекликаются тонко, звонко, будто радуются, что наконец-то их слышно, что никто не заглушает их своим грохотом.

Дым из труб дровяных печек, которыми топят старые дома, поднимается в небо прямыми столбами и пах так вкусно, так уютно, что хочется стоять и вдыхать этот запах, в котором смешиваются приятный запах горевших дров с запахом Хазара. А запах хлеба, который мама печет в тандыре, разносится на тысячи вёрст. Кажется, сам воздух пропитывается им, становится ароматным, будто предлагает насытиться им. Раньше было в порядке вещей угощать свежеспечённым хлебом соседей. Так принято. Так и живем.

А мы, дети, выходим во двор и нам снег в радость. Лепим снежки, кидаем друг в друга, падаем в сугробы, встаем, отряхиваемся и снова падаем. Пробуем снег на вкус и сосём сосульки, которые срываем с крыши дома. Мама говорит: не ешьте, заболеете, а мы не слушаемся. Болеем, и она нас лечит. Она лечит нас своей правой рукой, массируя горло. Говорит, что у нее есть дар лечить людей. И мы верим. А когда болеем ангиной, она кладет на горло маринованные баклажаны с острым перцем и заворачивает бинтом. За несколько дней ангина проходит.

К обеду снег начинает таять под ногами, но мы успеваем делать небольшие горки и катаемся, пока галоши не набиваются снегом доверху. Родители не могут купить нам детские сапоги, чтобы играть в такую погоду. Мы играем в том, что найдем, не жалуемся.

И кажется, что природа, освободившись от человеческой суеты, вдруг оживает по-настоящему. Снег начинает таять на солнце, с крыш капает, и каждая капля, падая, рождает маленькое журчание, которое сливается в общий тихий говор. Как без приглашения приходит, так и без напоминания уходит.

Ленкорань. Февраль 1976

Вдохновение не мог насмотреться, как идёт снег. Мысли о приезде Ильгама будоражат его. Кругом темно, все спят, а он лежит и сон не идёт. Повернув голову, вдруг видит человека, сидящего за столом. Смотрит, прищуриваясь, боясь открыть глаза. Силуэт за столом шевелится и не уходит. Еще немного и он засыпает.

Утром, просыпаясь, сразу смотрит на стол. Там стоит таз с тестом, накрытый одеялом. Один край свисает на стул. Воображение играло, ресницы дергались, одеяло казалось сидящим человеком, который шевелится и это пугало его ночью. Вспоминает, что мама обещала утром печь лепёшки в тандыре. Забывает про ночное. Встаёт и смотрит из окна. Кругом всё блестит. Снег идёт вовсю, не останавливаясь. Такое ощущение, что красные крыши домов из черепицы кто-то ночью перекрасил в белый цвет, работал всю ночь, не переставая.

Хлопья кружась и танцуя, ложатся на землю, как краски художника, создавая свою картину природы одним цветом. Земля покрыта одним большим ковром, то ровным, то приподнятым, накрывающим кусты и деревья, повторяющим рельеф. Они не выдерживают и ломаются под тяжестью снега. Им не под силу такая ноша.

Из тандырной поднимается огонь. Чтобы он не задевал деревянные перила, с потолка свисает железный тонкий лист, который повторяет форму крыши. Мама топит тандыр сухими ветками, они дают жар. Пока огонь горит, она стряхивает снег с веток, подставляет под них деревянные упоры, чтобы не ломались. Вдохновение быстро одевается и идёт в сад. Стряхивает снег с низких кустарников, но скорее не стряхивает, а просто трогает его ладошками. Когда мама не видит, пробует снег на вкус. Калоши до краёв наполняются снегом. Мама, увидев это, приказывает идти в дом, в тепло. Она не хочет, чтобы он намочил ноги. А ему этот снег в радость.

Айвовое дерево, что стоит за тандырной, вот-вот сломается от тяжести снега. Айва на нем осенняя, поздняя. До глубокой зимы дети едят эту айву. Мама варит из неё варенье. На высоких ветках то там, то тут висят несколько штук. Дети специально их не трогают. Эти плоды — доля дерева, оставленная ими. Мама говорит: «Нельзя с дерева срывать все плоды, надо оставлять часть на ветках». Так предки, наверное, учили думать не только о себе, но и о других, даже если это всего лишь дерево. Они ухаживают за деревьями, и те в ответ благодарят их обильными плодами. Их благодарность взаимна.

Страхнув снег с дерева и подперев его палкой, мама идёт за тестом. Вдохновение видит на снегу лежащую айву, жёлтую-жёлтую, как золото на белой накрахмаленной скатерти. Он берёт её, трёт снегом и откусывает. Она сладкая с еле заметной кислинкой. Сбоку уже начинает портиться. Съев здоровую часть, выходит из сада. Думает: «А вдруг заболею? Мама меня убьёт, тем более после завтра приезжает Ильгам. Папа обещал взять меня с собой встречать». Вытряхивает снег из калош, оставляет их на лестнице, надевает чистые.

К воротам ведёт тропинка, которую люди натоптали, когда проходили через двор к соседям за тандырной лепёшкой. Они торгуют ими. Ему нравится стоять под падающими хлопьями снега. Пока мама занята, он бежит по тропе к воротам. По пути набирает снег в маленькие ладошки и сколько хватит сил бросает в деревья. Возвращается один из покупателей, на руках которого дымятся лепёшки, раздавая свой аромат вокруг. Это сосед. Он выходит на улицу и скрывается за углом.

На улице пусто. В такую погоду автобусы и машины не выезжают, людям приходится пешком добираться до работы и обратно. Такое ощущение, что не только люди спят, но и все дома погрузились в глубокий сон, укрывшись одеялом из снега, похрапывая и при выдохе выпуская дым из каминов и печек. Синички чирикают, летая с ветки на ветку, будто хотят помочь маме стряхнуть снег.

— Пойдём домой, согрейся, — зовёт мама.

— Не хочу, лучше я пойду в тандырную, там тоже тепло.

В воздухе всё ещё стоит аромат лепёшек, которые сосед пронёс. Несмотря на съеденную айву, в животе урчит. Почему-то после айвы у него всегда наступает голод. Он знает: завтрак будет после того, как мама испечёт лепёшки.

Мама берёт отдохнувшие колобки теста, раскатывает их, начинает лепить на стенки тандыра. Сначала маленькие лепит для детей, чтобы первыми пеклись. Им интересно иметь свою маленькую лепёшку. Потом принимается за большие. Как только первая большая лепёшка готова, мама кладёт её на скатерть. Он трогает рукой и чуть не обжигается. Оставляет на скатерти остывать. Мама, увидев его голодные глаза, отламывает небольшой кусочек, остужает и передаёт ему.

Жуя, он доволен. Доволен снегом, где скоро будет играть, доволен горячей лепёшкой, доволен, что мама рядом и смотрит на него с любовью, доволен, что приедет гость, с которым, как говорит мама, он расстался очень давно. Ему всего пять с половиной лет. Вдохновение мысленно задаёт себе вопрос. Насколько давно он с ним расстался? Почему его не помнит? Не помнит, как он выглядит, не помнит его голос. Мама говорит: — Увидишь и вспомнишь. Приходится ждать.

Пока она пекёт лепёшки, братья прибегают на их запах. Отломив от большой, она даёт каждому по куску, а их маленькие лепёшки оставляет на завтрак. Всё готово. Идут завтракать. Садятся на полу, как всегда. Так принято. На полу лежит палас, поверх него мама накрывает ситцевой скатертью — суфре.

На ней уже лежат масло, сыр брынза, варенье из айвы и свежесваренный чай. Мама даёт каждому его лепёшку и одну большую кладёт на середину скатерти. Детям нравится смешивать варенье со сливочным маслом и намазывать на лепёшку. Завтрак отменный. Лепёшки придают ему торжественность. Мама следит, чтобы дети ели аккуратно и не разговаривали. Отец сидит выше всех за столом, смотрит свысока как семья сыта и довольна. Оставшиеся кусочки лепёшек заворачивают в скатерть и убирают в хлебницу.

— Это последний день малой чилле (период зимы), — произносит мама.

Снег перестаёт падать. Выглядывают лучи солнца. Вдохновение спрашивает у мамы:

— Что такое чилле?

— Как тебе объяснить, балам (сын) — начинает она с материнской нежностью. — С персидского это значит «сорок дней». Наши предки делили зиму на три периода: Боюк (большая) чилле — 40 дней, Кичик (малая) чилле — 20 дней и Боз ай (серый месяц) — 30 дней, по завершении которого наступает праздник Новруз. «чилле» символизирует трудности, тяготы, печаль. Это самый суровый период зимы.

Дети внимательно её слушают.

— Большая чилле наступает 20–21 декабря, в самую длинную ночь года, и длится 40 дней. Помните? Мы отмечали его, арбуз ели.

— Да, да, помним! — затрещали они в один голос.

— Мы, как всегда, в этот день достаём эти арбузы, отложенные ещё с лета под старую кровать, где прохладно и хорошо сохраняются до зимы. Предки наши всё, что видели вокруг, старались привнести в дом, в свой очаг. Всё превращали в ритуал. Они считали себя частью природы и связывали каждое явление с собой, придавая образы этим явлениям.

Большая чилле как дедушка: суров, серьёзен и не терпит возражений. Арбуз символизирует солнце, красный цвет мякоти — его лучи, косточки — новую жизнь. Обычай оставлять на зиму арбуз и резать его в Большую чилле дошёл до нас от предков. Кушая его, мы словно угощаем саму зиму. Создаётся ощущение, что предки, угощая Большую чилле, просили её быть не слишком суровой. И она не сильно суровая, как Малая чилле.

Малая чилле длится двадцать дней — с 1 по 20 февраля. Она вдвое меньше Большой, поэтому и назвали Малая. Этот период зимы — время сильных морозов, которые словно замораживают жизнь. Для нас этот период как непослушный мальчик, который шкодит, играя погодой, подкидывая суровые морозы.

— Мама, ты всегда говоришь: не выходите во двор в одной рубашке, ведь во дворе «гышын оглан чагыды» (время зимы-мальчика, так говорят про суровую зиму, которая шалит, как мальчишка), — затараторил Ильгар — тот самый, чьё имя — значит «первый снег».

— Да, сынок, я за вас переживаю, — продолжает мама. — Это выражение говорит о суровости зимы. Придавая всему вокруг человеческий образ, наши предки сливались с окружающим миром и жили с ним в гармонии. А завтра наступит Боз ай, и с ним придут четыре чершенбе (четыре вторника) — дни четырёх стихий: воды, огня, ветра и земли.

Дети знают, через несколько дней поедут на реку Ленкоранчай, будут умываться и привезут воду домой.

— Мама, мы тоже хотим на речку! — в один голос кричат дети.

— Кто проснётся рано утром, того и возьмём, — говорит мама.

Дети уже не слушают. Двор их ждёт. Выбежав во двор, они первым делом ложатся спиной в снег, оставляя свои следы. Вдохновение тоже присоединяется. Вугар бросает снежок в детей. Те в ответ закидывают его. Ильгар катает небольшой снежный ком и тот растёт, становится большим и круглым. Вдохновение помогает.

— Вот и нижняя часть снеговика! — торжественно заявляет Ильгар.

Через двадцать минут снеговик уже стоит. На голову надевают небольшое ведёрко. Моркови нет.

— Можно сосульку, — предлагает Вдохновение.

Срывают с крыши сосульку. На основании она широкая, а в конце сужается. Ставят туда, где должен быть нос. Снеговик готов. Дети радуются, ходят хороводом вокруг.

Солнце выглядывает из-за туч. Снег начинает таять. Ручейки бегут, журча, прорубая себе дорогу, будто торопясь освободиться от снежного плена. Вода не любит препятствий, она любит свободу. Человек тоже хранит память воды, потому и стремится к свободе, как она. Он же из неё и состоит.

Дорога на юг

Я взял дорожную сумку и пошёл к выходу. Билет был куплен после того, как принял решение уехать — слетать к Вдохновению. Всей семьёй везут меня в аэропорт. Ленор передаёт подарки родным. Она всегда о них думает. Желают мягкой посадки. Просят за них обнять всех и поцеловать. Прощаемся.

Сижу в кресле, волнуюсь и думаю о встрече. Огромное желание увидеться с родными. Отца последний раз видел в 2002-м, маму в 2016-м, а старшего брата Вугара в 2017-м. Много воды утекло с того времени. Для вселенной это ничто, но по нашим меркам, многовато.

Основная цель — увидеться с Вдохновением. Еду к нему не для того, чтобы изменить его судьбу, её уже не изменишь. Еду, чтобы он искал истину. Чтобы понял, в чем смысл нашего существования. Еду, чтобы рассуждениями и выводами самому найти смысл жизни, которого потерял. И ещё хочу, чтобы он мне пообещал: всё, что найдём, будем нести людям. Пусть он расскажет тем, кто идёт по жизни рядом с ним: истину не нужно прятать в себе, лучше раздать другим, как ветер Гилавар (южный ветер в Азербайджане) — добротой и теплом. И я расскажу своим детям и всем тем, кто рядом. Побывав заново в детстве, хочу прожить те дни, почувствовать все радости, тяготы и лишения. Чтобы читатели знали, как мы жили, как трудились и как росли. Хочу показать людям быт, отношения между людьми, а также обычаи азербайджанцев и талышей.

Думаю, будет удивительная история: встретятся два поколения — я как взрослый и я как мальчик. Два поколения одной души затронут внутренний мир людей. Возможно, не всех, а тех немногих, кто будет читать эти строки.

Перелет занял четыре часа. Я в Баку. Не понял, как перешагнул эпоху. Здесь 1976 год. В аэропорту висят плакаты с информацией о чемпионате СССР по легкой атлетике, который пройдет в июне. Еду на железнодорожный вокзал, счетчик необычно щелкает копейки за километр. На вокзале много народу. Покупаю газированную воду. Она со вкусом детства. На перроне стоит группа пионеров, которые возвращаются из соревнований в Ленкорань. Немного похаживая по вокзалу, сажусь на поезд. Поезд отправляется в час ночи и прибывает в шесть часов утра. Прошу проводника разбудить меня в пять.

Не могу заснуть. За окном плывут огни пригорода, показывается станция Баладжары. Вспоминаю отца. Ведь двадцать четыре года прошло, как я его видел последний раз.

Его зовут Манаф. На арабском это значит — высокий, возвышенный. Он сын талышского народа. Зеленоглазый, высокий и красивый. Для нас он глава семьи, мы его уважаем и отчасти боимся — той особой уважительной боязнью, какая бывает в больших семьях. Достаточно было одного взгляда, а иногда окрика, и мы переставали шуметь и становились послушным. Он днями трудится, чтобы прокормить всю семью. Работает завхозом в больнице, и все друзья зовут его «доктором», хотя он не лечит, а заведует хозяйством. Кроме основной работы, в свободное время подрабатывает, ремонтируя мотороллеры. В принципе он много зарабатывает, но у него всегда много гостей, на которых приходится тратить часть денег. Бывает одни уходят, и другие тут как тут. Может, поэтому нашей семье постоянно не хватает денег. Хотя многие так живут.

Мы все, его дети, остаемся для него и детьми, и солдатами одновременно. Когда он ремонтирует мотоциклы во дворе, мы подаем ему ключи, держим болты с обратной стороны, чтобы он лишний раз не нагнулся. А после работы чистим эти ключи в бензине, вытираем насухо и раскладываем на полке в его сарае по тому порядку, который он установил. Чтобы в следующий раз рука сама нашла нужный ключ, не спрашивая.

Стучится проводник. Отрывает меня от мыслей.

— Вам чаю принести?

— Принесите, только индийский.

— Сию минуту. У нас всегда индийский.

Через минуту приносит чай в гранёном стакане в железной подставке с ручкой. К чаю — сахар, шоколадка и печенье.

— Вы откуда едете?

— Из Новосибирска. Знаете где это?

— Да знаю. В Ленкорань в гости?

— И да, и нет. Там родители, братья, все родственники. Давно не был. Вот решил проведать.

— Правильно делаете. К родителям надо приезжать. Лучше почаще. Так они не будут скучать. У нас, когда кого-то долго ждут, всегда глаза в ожидании, всегда смотрят на калитку — вдруг он зайдёт. Закрывает дверь в купе и желает спокойной ночи.

— Да, согласен, — говорю я про себя и вспоминаю маму.

Потому что только матери так умеют ждать.

Маму зовут Боюкханум. Её имя переводится как «Великая госпожа». Но для меня она не просто госпожа, а человек великой души, самой великой из всех, кого я знаю. Она красива и эту красоту сохраняет из года в год. Её лицо сияет, от неё исходит какой-то свет.

Она домохозяйка и верующий человек, растит детей в строгих правилах. Она запрещает детям есть у соседей, даже если они голодные. Не потому, что не хочет, чтобы дети были сыты, а потому что боится услышать за спиной: «Вон они какие бедные, даже дети голодные». Дети

не ходят голодными. Она всегда готовит вкусно, но иногда денег не хватает на продукты. Тогда дети могут есть хлеб с сахаром. Многие так живут: кто хлеб с сахаром, кто с чесноком, а кто-то и с луком.

Она никому не показывает, когда в чём-то нуждается. Когда у соседей накрывают на стол, дети, даже будучи голодными, тут же поднимаются и уходят, сколько бы их ни уговаривали остаться. Мама в первую очередь думает о нас — о детях, и старается сделать для нас максимум того, что в её силах, ни у кого ничего не прося.

Когда штопает одежду, никогда не ставит заплатки считая их знаком батрака. Она сама из бедной семьи и в бедности не видит позора, просто думает, чтобы дети не чувствовали себя ущербными рядом со сверстниками.

Она смелая, гордая и честная. У неё сильный и красивый голос. В месяц мухаррам, первый месяц мусульманского календаря, она исполняет религиозные песнопения — мерсие, послушав которые люди плачут. Ей за это платят деньги. Но она очень набожна, настолько что вера её безусловна и чиста. Всё, что зарабатывает, оставляет там же, в домах, где собираются люди на день Ашура, день поминовения в месяц мухаррам, для покупки чая и сахара чтобы угостить людей. После месяца мухаррам, у детей начинаются обыденные дни, когда носятся, прыгают, играют в войну с соседскими мальчишками.

Отключаюсь. Вижу сон: как мама меня встречает, ходит возле, не на радуется. Говорит: «не отпущу тебя больше никуда. Уходишь и долго не возвращаешься».

Проводник будит всех:

— Подъезжаем к Ленкорани, сдаём постельное.

Ночью никто не спит. Смотрю на пейзаж. Муганскую степь уже проехали. Поезд идёт рядом с Хазаром, Каспийским морем. Оно вдалеке синее, а вблизи мутное. Будто, меняя цвет, даёт понять, что знает о моём прибытии и радуется. И от этой радости поднимает со дна всю муть, как маленький ребёнок, который в счастливом порыве готов смещать всё, до чего дотронется.

По мере приближения к родному городу я начинаю волноваться. Вспоминаю её влажный и тяжёлый воздух. Здесь зима — это редкий снег, а в остальном дожди. Порой холод от сырости, порой бесконечные тёплые шумные ливни — лейсан, которые могут идти неделями, и ты уже не помнишь, когда видел солнце в последний раз. А потом солнце выходит, и город взрывается зеленью.

Ленкорань — это чай. Чайные плантации, единственные в Азербайджане. Зелёные, ровные ряды кустов и женщины в косынках, с корзинами, срывающие только самые нежные листья. Здесь чай пьют и в летный зной, и в морозную стужу.

Ленкорань — это море. Хазар, тёплый, ласковый, местами с илистым дном, с камнями, с чёрным вулканическим песком. В детстве мы ходили с отцом, с друзьями, с интернатом. Купались, загорали, чувствовали себя индейцами на диком берегу. Песок прилипал к мокрой коже, и мы блестели на солнце.

Ленкорань — это талыши и азербайджанцы, перемешанные так тесно, что уже не разобрать, где чья кровь. Здесь говорят на двух языках, часто мешая их в одной фразе. Здесь уважают старших, чтят традиции, помнят свою историю.

Ленкорань — это моё детство. Это интернат, где я научился выживать. Это тарная база, где мы сбивали ящики. Это мотороллер «Муравей», привозивший хлеб. Это мама, которая не ставила заплатки, чтобы мы не чувствовали себя ущемлёнными. Это отец с его ремнём и гаечными ключами, разложенными по полочкам.

Ленкорань — это начало. Точка на карте, откуда я ушёл на север и это место, где, может быть, однажды лягу, когда придёт время.

Маленький город у моря, бывшая столица Талышского Ханства. Город, который всегда ждёт. Даже если ты уехал навсегда.

Поезд едет медленно, словно убаюкивая, как ненни — люлька, подвешенная к потолку. В окно видны Талышские горы.

Талышские горы не просто красивые вершины. Это убежище, это наша опора против захватчиков. Когда враги приходили с севера или с юга, когда равнина горела и плакала, уцелевшие предки уходили вверх — туда, где чужая конница не пройдёт, где тропы знают только свои. Там наши предки сохраняли язык, передавали детям обычаи, ждали, пока минует беда. А когда наступали мирные времена, спускались вниз — на эту Дорогу, шириною в долину, называемой Ленкоранской низменностью. Ту самую дорогу, где пахали землю, растили детей, торговали. И так веками, как волны: в горах — спасение, в долине — жизнь. Может, поэтому мы сохранились.

Я всегда об этом думаю, когда еду по дороге Баку — Ленкорань. Всегда думаю: как сто-тысячные армии со своими конями, обозами, пушками и пленными умещались между гор и морем? Они все шли и шли, из века в век. И я пойду — то на север, то обратно на юг.

Ленкорань находится на перекрёстке миров. Будучи школьником, я этого не понимал. Думал: живу на краю государства, на её южных рубежах. За пределами — враждебно настроенные страны, готовые нас поработить. Нам так говорили. И мы в это верили.

Но это не край на карте, не край, где заканчивается что-то знакомое и начинается незнакомое. Это Дорога, которая проходит через сердце Талыша — с севера на юг и с юга на север, смотря откуда путник держит путь. На юг идет дорога в Иран, в те края, где за горизонтом уже другая земля, но родная и неповторимая речь. Люди слагали песни про ту сторону реки Аракса (Араз), писали стихи про разлуку, теряли друзей и обрывались нити родных. На север — в сердце Азербайджана, в Баку, далее к его воротам — Дербенту. Эти ворота не раз спасали от захватчиков с севера. От Дербента дорога поднимается на север, в глубь империи, где просторы, растянувшиеся на тысячи километров, где степи сменяются полями, леса — тайгой, бесчисленные озёра и реки, и где в северной его части всегда лежит снег, белым покрывалом укрывая всё вокруг. И это создает ощущение свободы, манящей человека. Но дорога одна.

И я, тогда еще маленький не понимал, что по этой земле прошло слишком много народу. Слишком много копыт коней топтали её. Слишком много крови ушло в этот песок, чтобы она могла быть просто землёй. Веками раздирали эту землю захватчики, терзали грудь земли, поливали кровью наших предков. Как в те жестокие годы выжили мои предки, как остались живы, что я сейчас живой. Они боролись за свою свободу, за свободу своих детей. Боролись как могли.

И через много лет по этой же дороге будет ходить маленький мальчик из интерната, складывать ящики для помидоров, чтобы помочь матери прокормить шестерых детей. Поезд уже подъезжает к городу.

Сердце колотит в груди, как будто хочет выпрыгнуть. Ещё никто в жизни не встречался со своим детством. Я помню его по фотографиям. Думаю, если увижу — заплачу. Но надо держаться.

Встреча с Вдохновением

Поезд останавливается. Машинист гудком будит спящий город. Встречающих много, несмотря на ранний час. Выходя, я благодарю проводника и прощаюсь. Он слегка улыбается и желает удачи, будто догадывается о цели моего приезда.

— Взаимно, — отвечаю я.

Пассажиры выходят, все куда-то спешат. Ещё из вагона вижу отца, который держит Вдохновение за руку. Увидев их, я, слезясь, выхожу и обнимаю отца. Долго так стоим. Не хотим разомкнуть объятия. Вдыхаю его запах — запах родного отца, смешанный с запахами бензина и мазута от мотоциклов. Когда размыкаем объятия, вижу его зелёные, радостные и в то же

время влажные глаза. Он тронут нашей встречей, хоть и держится, но я знаю — он переживает. Ему тридцать шесть лет. Он брюнет, я уже седой. Отец не обращает внимания на цвет моих волос, говорит:

— Добро пожаловать, сынок. Как ты? Как здоровье? Почему так долго не приезжал?

— Здравствуй отец. Все нормально. Дела не дают вырваться. Постоянно в разъездах. Вы как?

— Мы, как видишь, живы и здоровы.

Оборачиваюсь к мальчику. Он стоит растерянный и смущённый, но смотрит на меня внимательно, будто пытается вспомнить давно забытый сон. Обнимаю его с той теплотой, с какой отец обнимает сына. Мне пятьдесят пять с половиной, ему — пять с половиной. Нас разделяет полвека.

Мальчик — высоковатый для своих лет, тёмненький, с большими карими глазами, с красивым лицом — почтительно здоровается. Одет в старые, но чистые брюки синего цвета, в старую рубашку в клетку, поверх которой надет пиджак, который немного великоват. Младшие носят за старшими. На ногах калоши.

Такое ощущение, что, расставаясь с этим худым, но красивым мальчиком, я действительно расстался со своим вдохновением. И когда мы обнимаемся, оно возвращается, входит в меня, как луч света, помогая разжечь тот огонь, что тлеет.

«В пятьдесят пять лет опять вдохновляться? — думаю я. — Это уже перебор».

Но что-то внутри разыгрывается, трепещет. Что-то подсказывает: вот он, случай — вдохновляйся, ищи, твори.

— Давно мы расстались с тобой, — с грустью произношу я, отрываясь от своих мыслей.

— Я не помню то время, когда ты уехал, — отвечает он.

— Да, это было давно, и не сосчитать сейчас.

Отец предлагает ехать быстрее домой: барана надо резать, и мама ждёт.

— Пап, ты езжай, а мы с Вдохновением пешком дойдём, пройдемся по городу.

Отец с неохотой соглашается.

— Только быстрее приходите, а то мама ждёт не дожждётся.

И такси увозит его.

— Ты сам как? — спрашиваю я у мальчика.

— Всё у меня нормально. Мама учит меня буквам, и я умею считать до десяти. Деньги тоже умею считать. Есть пять копеек, десять, пятнадцать, бир аббаси (двадцать копеек), пятьдесят копеек и рубль. Только вот когда мама отправляет за хлебом и мне дают сдачу, я не умею её считать. Маме отдаю деньги, она проверяет, правильно ли получил.

Стоит тёплая погода, не характерная для этого времени года, несмотря на еле видимые остатки снега. Взяв мальчика за руку, мы идём. Он сжимает мою руку, и я чувствую тепло его рук.

Дует Гилавар. Наслаждаясь тёплым, почти незаметным прикосновением ветра, мы проходим мимо здания вокзала, где одиноко и сердито стоит касса без очереди. Я хочу разглядеть каждую мелочь, которую упускал когда-то из-за суетности жизни. Обратную сторону вокзала украшают колонны в восточном стиле, на вершинах которых написано «Ленкорань». Справа и слева возвышаются два больших дерева кедра, остриём поднявшихся ввысь, как два минарета.

— А почему братья не приехали встречать? Где они?

— Они спят. Папа только меня взял. Для них ты будешь сюрпризом.

Выходим в город. Впереди справа красуется маяк — гордость города, уже сто пятьдесят лет показывает дорогу кораблям.

— Ты знаешь, что есть подземный ход от маяка к тюрьме? — спрашиваю я.

— Слышал, что где-то в городе есть туннель, но не знаю, что он соединяет тюрьму и маяк. А для чего он?

— Раньше здесь стояла большая крепость. Маяк и тюрьма были внутри этой крепости. Если пойти в сторону танкового полка, что стоит на берегу моря, можно обнаружить часть стены этой крепости. Как-нибудь сходим.

— Интересно посмотреть. А для чего эта крепость нужна была? Здесь же нет врагов. Граница закрыта. Иногда телевизор ловит Ардебил. Там говорят так же, как и мы.

— Когда-то эта крепость защищала наших предков. Потом её снесли захватчики. Об этом потом расскажу.

— Сейчас рассказывай, ты всё равно, вижу, домой не торопишься.

— Долго рассказывать. Потом как-нибудь, — уклончиво отвечаю я.

Подходим к памятнику дважды Герою Советского Союза — Ази Асланову. Он гордо стоит на танке, глядя на Талышские горы, и горы смотрят на него. Один — бронзовый, другие — каменные исполины, укрытые снегами. Военачальник смотрит на эти заснеженные вершины как на свою танковую армию, застывшую в колонне, готовую выступить, когда родина позовёт. Мы встаём перед памятником этому бессмертному человеку. Я наклоняю голову перед его памятью. Мальчик повторяет за мной — учится отдавать дань предкам.

— Знаешь, кто такой Ази Асланов? — спрашиваю я.

— Слышал, он воевал с фашистами.

— Да, воевал. Он был гвардии генерал-майором бронетанковых войск. В память о нём на Мамаевом кургане установлена гранитная мемориальная плита. Ему было всего тридцать пять лет, когда он погиб — стал шехидом за несколько месяцев до победы.

— Мама рассказывает нам иногда про шехидов, которые сражались за справедливость.

— Ази Асланов тоже сражался за справедливость — за правое дело. За свободу не только нашего народа, но и других народов, которые живут в нашей стране. Он погиб в Латвии. Знаешь, где это находится?

— Нет, не знаю. Я ещё маленький, чтобы такие вещи знать.

Задумываюсь. Знаю, что судьба закинет этого мальчика когда-то на ту землю. После учёбы и развала империи он уже никогда не поедет туда. Не потому, что не хотел, а потому что всё откладывал, думал: успеет, ещё есть время. Но тогда, будучи юношей, он не знал, что время никому не подвластно. Что время проходит как моргание ресниц — в одно мгновение.

— Ничего, вырастешь, будешь всё понимать, — мягко добавляю я.

И мы идём дальше.

Ханский дворец

Немного пройдя, поворачиваем налево и направляемся к ханскому дворцу.

— А что такое Мамаев курган?

— Пойдёшь в школу, там всё расскажут учителя. Если коротко, то это место ожесточённых боев Сталинградской битвы, ставшее символом стойкости и победы советского народа. Ты лучше расскажи, как мама?

— Всё хорошо с ней. Ты же знаешь, она сильно скучает по тебе. Ты нечасто звонишь и пишешь, и она тоскует. Всегда с грустью смотрит на дорогу. Она всегда тебя ждёт, даже если ты только сегодня уедешь, она тут же будет скучать и ждать.

— А ты для чего, ты-то можешь её отвлекать от этих мыслей? — спрашиваю я ласково.

— Ты же знаешь её. Я пытаюсь. Не сильно у меня получается. Наверное, я маленький, поэтому. У нас старшие не слушаются младших.

— Знаю. Знаю.

Петляя, идём по центральной части города, который в народе называют «Гала». В переводе с азербайджанского это слово означает «крепость». Самой крепости нет уже сто пятьдесят лет, но в народной памяти это место так и осталось крепостью.

Доходим до ханского дворца. Дворец построен из красного кирпича и белого камня. Витражи из разноцветных стёкол, фасад в стиле барокко.

— Знаешь, кто построил этот дворец?

— Какой-то хан, если это ханский дворец.

Ответ логически правильный и по-детски наивный.

— Его построил Мирахмедхан Талышынский для своей жены Тугру ханым, которую называли красавицей Кавказа. Он пригласил французского архитектора, привёз зеркала из Венеции, провёл электричество. Хан умер где-то в Европе. А потом какие-то плохие люди пришли и выгнали Тугру ханым из собственного дома, и она работала прислугой в Баку. Зеркала разворовали. А теперь там музей. Только ты никому не говори про мой рассказ. Хорошо? Я это говорю, чтобы ты помнил.

— Хорошо, не расскажу. Мама тоже нам рассказывает, что наш дом когда-то принадлежал Садык-хану. Мама за него молится, что мы живём в его доме. А у нас нет своего дома?

— Наш дом там, где ты живёшь. Нам квартиры и дома государство выделяет. Где даёт, там и живём. Может, в будущем будет по-другому, а сейчас так. Так и надо жить.

— Я когда вырасту, построю себе такой же дом, как этот дворец. Мне он нравится.

— А почему бы нет, — отвечаю я. — Сейчас не только государство даёт дом, можно и самому построить, если заработаешь много денег.

Идём в сторону тюрьмы. У мальчика рот не закрывается — хочет выговориться.

— Мама говорит, я стану директором. Когда стану, тогда и построю.

— Обязательно станешь, — говорю я задумчиво.

— Вот и башня — тюрьма из красного кирпича. Говорят, там сидел сам Сталин, когда ещё был молодым революционером и грабил поезда для революции. Он сбежал через подземный ход, который вёл к маяку.

— Проход отсюда тянется до маяка?

— Да. Говорят, внутри сохранились выемки через каждые два метра для свечей, для освещения прохода.

Я смотрю на башню и думаю о том, что это всё, что осталось от крепости, некогда стоявшей на берегу Ленкоранчая. Маяк, тюрьма и кусок стены. Когда-нибудь я расскажу мальчику о тех баталиях, которые здесь происходили. Когда он будет готов.

— А кто такой Сталин?

— Пойдёшь в школу — расскажут.

Мальчик не унимается, задаёт всё новые и новые вопросы. Я знаю: он вырастет и будет задавать много вопросов, чтобы знать многое. Обходим башню и идём в сторону базара. Слева — железный мост через Ленкоранчай, его построили пленные немцы. Вода на реке мутная. То тут, то там рыбаки ловят рыбу. За рекой деревня — Сутемурдов. Видна школа и стадион, куда мы ходили смотреть футбол.

— На футбол ходишь?

— Папа ходит, но меня не берёт, говорит ещё маленький. Немного подрастёшь, возьму.

— А как отец? Ладишь с ним?

— Все нормально. Он меня любит. Работает, трудится, иногда калымит, когда у кого-то мотоцикл сломается. Иногда с друзьями сидит, и мама им готовит. Меня отправляет за водкой. Говорит: «Быстро. Одна нога здесь, другая там». Плюнет на землю и скажет: «Даю пять минут, если опоздаешь и этот плевок высохнет — станешь лысым». Что делать? Бегу. Не хочу стать лысым. Так он ещё десять копеек даст. Молодец, говорит.

Мальчик тянет меня домой:

— Пойдём домой быстрее, мама тебя ждёт. Братья проснулись, наверное.

Базар – мечеть

Предлагаю идти через базар, и мы не замечаем, как доходим до него. В такой ранний час здесь всегда много народу. Этот базар огромный, потому его называли — Боюк базар — Большой базар. Он отдельный мир.

Прилавки заполнены зеленью. Тут ароматная кинза соседствует с злым луком, а зеленые кружева петрушки с царем трав рейханом. Его пучки гордятся красно-багровым цветом выделяясь от всех. Торговец часто поливает их водой, чтобы не засохли на солнце. Свежие помидоры и огурцы, зовут покупателей яркими цветами.

По левую руку прилавки с фруктами, гордящиеся ароматами и свежестью. В это время года фрукты только привозные. За поворотом крытый рынок — гордость Боюк базара. Внутри одновременно хаос и порядок. Для местных — порядок, для приезжих — хаос. Там пахнет специями, рыбой, сладостями — всем, что душе угодно. Смотрим на прилавки с сыром брынза из бочки с рассолом и маслом сливочным домашним — кругляшами, как золотые самородки, только больших размеров. Женщины в деревнях сбивают их в больших глиняных кувшинах с заострённым дном. Так легче отделить масло от сыворотки.

Проходим мимо прилавков с соленостями. Слюнки текут от запаха виноградного уксуса — на нём здесь всё маринуют. Острые баклажаны, фаршированные зеленью и жгучим перцем, чеснок и многое другое. С ними по соседству тёрн в собственном соку с болотной мятой и маринованные груши.

Торгуют дичью, осетриной, кутумом — всё свежее, всё только что выловленное.

— Почему рыба так пахнет? — спрашивает мальчик, морща нос.

— Потому что свежая. Ее сегодня ночью выловили.

Мальчик морщит нос еще сильнее.

— Ты не любишь рыбу?

— Люблю, но только жареную. Свежая плохо пахнет. Папа купил осетрину. Я люблю из нее шашлык. Баранину не ем. Мама жир бараний перетапливала, и я ел шкварки. Она еще предупреждала меня, чтобы я много не ел. Не послушался. Переел и заболел.

— Надо слушаться взрослых — говорю ему, — они плохого не посоветуют.

Показываю ему индюков, которые гогочут, пугая всё вокруг. Он боится к ним подойти. Торговцы кричат, зазывают, хватают за руки — стоит галдёж. Женщины в платках перебирают рис, проверяют, нет ли шелухи и камешков. Здесь продают всё: от одежды до иранских ковров, от простой бижутерии до бриллиантов в золоте.

Люди ходят на базар каждый день. Зачем покупать на неделю, если здесь всё свежее? Ходить на базар в Ленкорани — это обряд. Все берут свои авоськи и камышовые сумки и делают покупки.

Проходим через мейдан, это площадка в центре базара. Возможно, этот мейдан когда-то была большой площадью на базаре. Со временем торговцы из-за ненадобности захватили часть этой площади для торговли. На ней стоят «фарцовщики». Один предлагает костюм югославский. Другой, рубашку — «Монтана» с орлом на всю спину. Торговля дефицитом идёт бойкая. Предлагаю зайти в чайхану.

— Родители нас ждут, — тянет меня мальчишка. — Дома попьёшь. Папа самовар поставил.

— Знаю. Но давай по стаканчику выпьем. Не будем торопиться. Пусть все проснутся. Я переживаю: мама заплачет, увидев меня, и я не удержусь. А при братьях не будем сильно плакать.

Заходим в чайхану. Здесь подают лучший чай — ленкоранский. Чайхана — визитная карточка Ленкорани. У нас говорят: лучше чая только чай. Внутри только мужчины — женщинам сюда нельзя, это территория мужчин. Они пьют чай, обсуждают цены, спорят, а затем успокаиваются.

Садимся за стол, чайханщик тут же приносит в армудах два чая. К чаю подаёт только лимон и кусковой сахар. Здесь так принято. Так ленкоранцы в чайхане проводят свободное время. Пьём чай из маленьких стаканчиков с талией и созерцаем этот красивый момент жизни Ленкорани. Тут тепло, шумно и пахнет особенно. Чай крепкий, чёрный, ароматный. Быстро пьём чай. Немного отдохнув, расплачиваемся и благодарим чайханщика.

Рядом с чайханой находятся парикмахерская и баня. На базаре стоят две старые бани с восточными куполами, построенные ещё до революции.

— Давай помоемся и чистыми пойдём домой, — предлагаю я.

— Я не брал сменную одежду, — отвечает мальчик. — Если мы будем везде заглядывать, то к обеду дойдём до дома.

— Наша баня во дворе очень старая, низкая и неудобная. Лучше помыться и прийти чистыми.

Он соглашается. Круглый большой зал придаёт бане какой-то культовый вид. Таких сейчас не строят. Поднимаемся на возвышенность, где на полу лежат ковры, стоят шкафы для одежды, скамейки, столы для чая. В одном углу — чайханщик с самоваром. Банщик даёт нам гетфе — парчовую ткань, обернуться до пояса. Вдохновение показывает мне заштопанное место на брюках:

— Вчера порвал.

— Надо отцу сказать, чтобы он тебе новые брюки купил.

— Я уже говорил. Он сказал: «к школе куплю». А мама говорит: мне только на следующий год в школу.

— Не переживай, будет у тебя костюм.

Глаза его засветились.

— Я его на Новруз одену, — радостно говорит мальчик.

— Хорошо, одну твою проблему решили. А теперь пойдём в парилку.

Пар мокрый, доходит до плеч. Я теряю мальчика из виду, нахожу его, и ставлю на возвышенность.

— Почему бани раньше делали с куполами? Мама иногда водит нас в новую баню, где Гусейн дики. Там потолки прямые.

— Купол нужен, чтобы вода от осевшего пара к потолку стекала по стенам, а не капала на голову.

— Гениально придумано, — говорит мальчик.

— Откуда ты знаешь это слово? — спрашиваю я.

— Папа говорит, когда ремонтирует мотороллер и откручивает что-то трудное. Открутит и говорит — гениально.

Я доволен его ответом.

— А ты помогаешь отцу?

— Да. Подаю ключи, когда он просит.

— Молодец. Дети должны помогать родителям.

Немного попарившись, зовём банщика, чтобы он тёр нас скрабом из ткани — чан кисе, пошитым как варежки без пальцев. Укладывает нас на специальное место, и с помощником трут. Помывшись под душем, чувствуем себя лучше. Оборачиваемся в сухое гетфе. Чайханщик наливает чай в армуды. Попивая приятный и ароматный чай, разговариваем. Я отвечаю на несколько вопросов мальчика о моей жизни.

— Нам пора уходить, — говорю я.

Как бы я ни хотел быстрее дойти до дома и увидеться с мамой и братьями, я оттягиваю этот момент. Грустно. Знаю, мама не одобрит, но телефона нет и не предупредишь, что мы ещё немного задержимся. Хотя папа сообщил ей уже. Выйдя из бани, я смотрю на мечеть.

Мечети все закрыты. Она стоит сиротливо, смирясь со своей участью. На ступеньках несколько человек делают намаз.

У нас в городе две известные мечети — на Большом базаре и на Маленьком. Невысокие, не пышные, такие же, как всё вокруг, из того же камня, с теми же стенами, без куполов, с четырёхскатными крышами — такими, как в Талыше.

В Советском Союзе мечети стараются использовать так, чтобы не гневить Аллаха. Их превращают в склады и держат муку. Мы почитаем хлеб наравне с Кораном, и люди думают, что не оскверняют мечеть. Подойдя поближе, я здороваюсь с мечетью:

— Ас-саламун алейк, ве саламун алейк, мечети минбер (минарет), саламун алейк.

Мальчик тоже здоровается, повторив за мной.

— Мама тоже приветствует мечеть, — говорит он.

— Знаю. Я от нее научился.

Затем приветствуем людей на ступенях. Один из мужчин оказывается смотрителем. Узнав, что я приехал из Сибири, проводит нас внутрь. Я читаю суру Фатихе и захожу. Мальчик, сказав «аминь», заходит следом. Я показываю мальчику Элем — железную ладонь на высокой палке.

— Это рука Аббаса, — говорю я. — Он был сводным братом имама Хусейна. У них был один отец, но разные матери. Они внуки нашего Пророка мир ему. Мог уйти, когда враги их окружили, но Аббас остался. Умер, но не предал брата. Вдохновение смотрит, не совсем понимая, но чувствует, что это важно. Я не рассказываю всё. Пусть сначала вырастет.

Теперь смело можно идти домой. Все должны уже проснуться. Базар, чайхана, баня и мечеть — всё рядом. До дома минут пять-семь ходьбы. В домах жизнь бурлит. Люди выходят и идут в сторону базара. Немногие возвращаются — базар затягивает надолго.

Дома здесь стоят плотно, почти одинаково, смотрят в одну сторону. Задней частью — на север. Главными окнами (келле пенчере) — на восток. А верандами (эйван) — на юг, туда, где Мекка. Будто сам город повернут к святыне в молчаливом поклоне.

Встреча дома

Я издали вижу детей. Они, заметив нас бегут навстречу. Накидываются все разом, обнимают. Ильгама прыгает мне на руки, Анар на другую руку просится. Я целую их и слёзы сами наворачиваются. Столько лет не видел. Ильгама маленькими ручонками вытирает мои слёзы.

Вдохновение грустит, чтобы не видеть моих слёз, бежит во двор чтобы сообщить о нашем приходе. Вугар и Ильгар обнимают меня справа и слева. Они не понимают, почему я плачу. Им кажется: человек плачет, когда ему плохо. А я дал себе слово не плакать. Не получается.

Вытерев слёзы чтобы, мама не видела захожу во двор. Мама бежит навстречу — она летает. И я бегу. Обнимаю родную душу. Не выдержав маминых слёз, опять плачу. Она не хочет меня отпускать, я вдыхаю её материнский аромат. После стольких лет разлуки слёзы сами текут.

— Гурбан олум балам, в жертву за тебя пойду, сынок, — говорит она. — Где ты до сих пор был? Добро пожаловать.

— Мы с Вдохновением решили пройтись по городу. Он таскал меня за собой и говорил: «Давай и это посмотрим, и то».

— Мама, он шутит. Я его домой тянул, а он всё насмотреться не мог на город, — говорит мальчик.

Все смеются. Мама смеётся через слёзы. Подхожу ещё раз к папе и обнимаю его. Не смог им насытиться на вокзале. Разомкнув объятия, отец, радостно показывая на баранью тушу, висящую на крючке, говорит:

— Сегодня будет шашлык. Сам приготовлю.

— Спасибо, отец. У тебя всегда он вкусный получается.

Заходим на веранду. Самый младший, Рафиг, спит в ненни, свисающий с потолка. Ему год и полтора месяца, ещё не ходит. От шума он просыпается, не понимает, что происходит. Я беру его на руки и целую. Он пахнет материнским молоком. На веранде накрыт завтрак. Мама приготовила мою любимую пахлаву и шекербуру. Заварила чай ленкоранский, что привозят друзья отца.

Все садимся вокруг скатерти — суфре. Соседи приносят лепёшки, только что из тандыра. Они пекут их на продажу, но эти бесплатно. Подавая лепёшки, говорят:

— Гезлерин айдын олсун, пусть твои глаза сияют от радости.

Взрослые садятся за стол. Стульев не хватает. Соседские мальчишки бегут с моими братьями за стульями в свой дом. Все садимся завтракать. Горячие лепёшки обжигают руки. Мама дует на кусок и даёт малышам. Братья в один голос, перебивая, хотят что-то рассказать, будто не успеют. Мама их успокаивает:

— Во время еды нельзя разговаривать.

Мальчик ест нехотя, аппетита нет. То ли от радости, то ли он переполнен впечатлениями после прогулки. Все счастливы.

После завтрака, как всегда, отец курит свою приму. Вспоминаю, как мы детьми собирали его бычки и пытались подражать. Зажигали спичкой и держали во рту, как он. Вдохновение какой-то серьёзный, не идёт играть с детьми. Может, просто хочет побыть рядом. Я достаю из дорожной сумки подарки, раздаю каждому. Маме всегда любил привозить платки и в этот раз привёз ещё лучше. Отцу — свитер, как раз сейчас носить. Маленьким детям игрушки, а старшим из одежды. Всем нравятся их подарки. Вдохновению привез костюм на Новруз. Его радости нет предела. Мама собирает нас и говорит:

— Рафиг уже должен ходить, но не ходит. По поверью, если пронесём его по семи дворам соседей, он научится ходить. После обеда понесём.

После обеда так и делаем. Она сажает его в камышовую сумку — зембил, и мы берём её со всех сторон и несём по соседям. Соседи знают, этот обычай от предков. До нас так делали, и мы так делаем. Кто конфетку даст, кто печенье с молитвами и пожеланиями быстрее научиться ходить. Увидев меня, говорят:

— Хош гелмисен, добро пожаловать.

И обращаясь к маме:

— Гезлерин айдын, пусть твои глаза сияют от радости.

Её глаза действительно сияют. Мама благодарит каждого, просит у Бога для них здоровья. Проходим семь домов, возвращаемся довольные.

Я задумываюсь. Вот так люди всем миром помогают маленькому ребёнку, вместе взявшись за сумку, и несут одного человечка, чтобы он научился ходить. Предки оставили нам обычай: если все сплотятся, поднимут слабого на руки всей общиной, не опуская голову, а гордо её держа, они помогут одному подняться на ноги и ходить. Мои мысли нельзя остановить. Они везде — над городом, над морем, в горах. Они дошли до Гюней (южный) Азербайджан. Гюней и Гюзей — не просто стороны света.

Гюзей — это то, что за спиной солнца, теневая сторона, северный склон, где холодно и лежит снег, — это мы, северный Азербайджан.

Гюней — южный склон, где тепло, где солнце, где наши предки сеяли. На юге — боль народа, Гюней Азербайджан, сиротливо смотрящий на Гюзей. И пока дорога на юг закрыта, мы — наполовину сироты.

Мысли продолжают свой полёт. Надо Гюней Азербайджан посадить в этот зембил (камышовую сумку) и нести его по семи «домам» соседей:

Нести в Турцию — к старшему брату, который всегда протянет руку, не спросив, чем помочь. Нести в Ирак — на святую землю Кербела, где пролилась кровь внука пророка, где каждая песчинка помнит Ашуру и плачет по имаму Хусейну. Нести в Саудовскую Аравию — к Запретной мечети, обойти Каабу семь раз, чтобы очиститься, а потом в Медину, поклониться Пророку, мир ему, и попросить у Него заступничества для всего народа. Нести в Центральную Азию — к огузам, нашим предкам, чья кровь течёт в нас, чьи имена мы носим, чьи степи помнят наших прадедов. Нести в Монголию — к Великой степи, где когда-то рождались империи, где тюрки были не просто воинами, а душой армии. Нести в Пакистан — к братскому народу, который в трудные времена всегда рядом. И наконец — донести до священных вершин Алтая, откуда когда-то вышли наши предки-тюрки, где горы касаются неба, где ветер поднимает молитвы до самого Вечного Синего Неба — до Тенгри.

Если провести этот обряд, он встанет на ноги. Сбросит оковы, что веками душат его. Воссоединится со своим северным братом. И перестанет лить слёзы по нему.

— А почему он не ходит? — наивно спрашивает мальчик.

Вдохновение отрывает меня от этих мыслей. Мысли вмиг останавливают свой полёт. Мне кажется, он догадывается, о чём я мечтаю. Приходя в себя, понимаю: он спрашивает про младшего брата.

— Не обязательно сегодня, но скоро пойдёт. — Отвечаю я.

Он доволен моим ответом. И я остаюсь доволен. Скоро и Гюней Азербайджан пойдёт.

К вечеру отец, как обещал, готовит шашлык. Дети помогают ему, принося то одно, то другое. Отец смотрит и гордится: растут его солдаты, его помощники, его будущая опора. Зовут и соседей, по которым проносили младшего брата. Все приходят. Соседи всегда поддерживают друг друга — и в радости, и в горести. У нас говорят: ближний сосед лучше дальнего родственника. На столе два вида шашлыка — из баранины и осетрины. Осетрину продают на каждом углу, она в два раза дешевле мяса. На всех свадьбах её подают. И чёрная икра дешёвая. Для Вдохновения это любимое лакомство. Баранину он не ест — ест шашлык из осетрины и бутерброды с икрой.

Мальчик не знает, что через год для него начнутся трудности интерната, а ещё через год наступят тяжёлые времена. Но это будет потом. А пока все счастливы, и я вместе с ними

Разбивание кувшина

Конец февраля на удивление тёплый. Солнце растопило снег, как чай растворяет сахар. От снега не осталось и следа.

Просыпаемся рано. Мама готовит завтрак. Садимся во дворе и пьём чай из армуды. Вдохновение с соседским мальчиком идут играть: сидя на калитке, выбирают цифру от одного до девяти и ищут её на номерах проезжающих машин. У кого больше — тот выигрывает. Я осматриваюсь.

Ничего не изменилось. Ворота наши деревянные, чуть выше двух метров, крашенные в зелёный цвет. Калитка на высоте сорока сантиметров от низа. Каждый, кто заходит во двор, наклоняется, чтобы не удариться головой. Дети играют, спорят громко, но, когда видят взрослых, встают и говорят: «Салам» — показывая свою воспитанность. Взрослые в ответ: «Алейкума салам». И с улыбкой продолжают свой путь.

На улице напротив ворот растёт большое тутовое дерево. Тут большой и сладкий, когда плодоносит, осыпается, оставляя на земле пятна. Справа вдоль забора — каштаны, несъедобные, конские. Дальше — слива. Летом Вугар с соседским мальчиком лазают на неё, срывают незрелые сливы, бросают детям. Они кислые, вяжут рот. Сосед их гоняет: дерево растёт прямо на улице, напротив его окон.

Наш дом одноэтажный, с верандой, на высоте полуметра от земли. Так строят из-за сырости. Подпол открыт, чтобы влажный климат не разрушил деревянный настил.

На веранду ведёт деревянная лестница в несколько ступеней. Там стоит большая печь на керосине. Высоко на стене закреплён бак для керосина. Когда его заполняют, весь дом пахнет керосином. Посреди веранды — раздвижной обеденный стол, накрытый дешёвой скатертью. В углу на высокой тумбочке старый ламповый телевизор «Старт-3», который вечно ломается. Сейчас его ремонтирует друг отца. Как всегда: отремонтирует, всё показывает, а как только мастер уходит, телевизор перестаёт показывать.

Веранда затянута белой материей, чтобы дождь не мочил. На стене между двумя окнами висит радиоприёмник. Сейчас там играет музыка — ашуг поёт гошма, импровизированные стихи, и играет на струнном инструменте — на сазе. Музыка саза особенная, какая-то родная, будто он играет на струнах моего сердца. Мелодия саза уносит меня в горы, на пастбища, к родникам с их прохладой и журчанием. Она для меня как колыбельная, связанная неразрывно с родиной, с мамой, с нашим садом, с горами за городом и Хазаром, дыхание которого чувствуется в морском привкусе воздуха. Если меня попросят описать родину, я скажу: послушай саз, в нём вся родина.

С веранды захожу в зал — гостевую. Здесь живёт бабушка, папина мама, когда приезжает. Сейчас её нет, она в гостях у дяди. Высокая, голубоглазая, на руке всегда узелок. Когда возвращается, угощает нас конфетами. Скоро придёт — конфеток всем достанется.

Между окнами, выходящими во двор, висит портрет молодого парня под вуалью. Мой двоюродный брат. Погиб нелепо, молодым, неженатым. Так выражаем скорбь.

Слева дверь ведёт в маленькую комнату — «старую». Там мама хранит Коран. Когда Коран заносят или выносят, все встают в знак уважения.

Пол выстлан досками. Между досками, где они усохли, зияют дыры, видна глина. Уронишь мелочь — всё, не достать. Иногда дети кормят мышей через эти щели. Мама ругается, а им радость.

Мама зовёт всех на завтрак. Кушая, я с грустью смотрю на дом, где родился. Он выглядит таким же — та же побелка, тот же цвет, тот же уют и запах. Дом, который был родным, построил чужой нам человек ещё до революции.

— Мама, расскажи про наш дом. Ты же говорила, в этом доме жил Садык-хан.

— Да, балам, — подтверждает мама. — Он построил его еще до революции. После революции в доме располагался детский дом. Потом его передали горкоммунхозу, и он стал коммунальным. Как видишь, в нём три комнаты и длинная веранда. Нам его дало государство. Бабушке дали одну комнату с верандой — это было ещё до того, как ваш отец меня украл. А когда вы родились, нам дали вторую, старую комнату, с частью веранды перед ней. А дальше, ты знаешь, живут соседи. Ты помнишь, когда мы читаем Коран за усопших, мы и за Садык-хана тоже читаем. Я хочу, чтобы всё в жизни было, по совести. Вы тоже так делайте после нас, читайте молитву за упокоение. Пусть Аллах дарует ему свою милость. Мы живём в его доме, и нам остаётся молитвами благодарить его за кров, за тепло, за достаток, который мы обрели в этом доме.

Она даёт нам наказ на будущее — когда их не станет, мы должны поступать так же. Это не её выдумка, это испокон веков дошло. Быть благодарным всегда. Мы так и поступаем.

Через два дня приезжает бабушка. Дети бегут к ней на встречу. Она всех обнимает и раздаёт конфетки. Увидев меня удивляется. Целует меня и не хочет отпускать. Все рады к её приезду. После завтрака, дети идут гулять. Снег весь растаял. Сегодня 23 февраля — праздник, День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Все поздравляют друг друга. К вечеру будет плов. А завтра праздник Су Чершенбе.

Мама зовёт меня во двор и показывает прошлогодний кувшинчик.

— Оставила, знала, приедешь. Хочу с тобой разбить.

Я тронут. В детстве мы не понимали, зачем мама разбивает исправный кувшин. Спрашиваю об этом.

— Знаешь, — отвечает она, — за год кувшин впитывает дух дома. Когда наступает Новруз — время обновления, нельзя тащить старое в новую жизнь.

Она разбивает старый кувшин, что-то говоря про себя.

— Что ты говорила, когда разбивала? — спрашиваю я.

— Прошу Аллаха, чтобы всё плохое уходило, а приходил достаток, радость и счастье.

Она достаёт новый кувшинчик, чтобы завтра набрать в него воду из реки. Кувшин глиняный, красный, расписанный золотисто-жёлтым орнаментом — бута.

— Это древний знак огня, — говорит она. — Предки видели его в пламени и переносили на то, что хотели защитить. Для них это был оберег.

Кто любит папу

Сижу во дворе, мама недалеко чистит кур. Иногда перекидываемся словами. Я рассматриваю огромное дерево инжира, которое накрывает своей кроной полдома. Говорят, под инжиром нельзя спать — будто на нём живут джинны и сводят людей с ума. Взрослые любят нагонять жуть, но, наверное, правильно делают. Случаи бывали: люди теряли сознание, и всё списывали на джиннов. Теперь-то я знаю: ночью листья инжира, выделяют углекислый газ, поэтому люди могли терять сознание. Плоды этого инжира сладкие и вкусные. Мама каждый год варит из них варенье. Сегодня на завтрак она подавала это варенье. Я смешиваю масло и варенье, намазываю на хлеб и с огромным удовольствием ем, запивая чаем.

У нас большой двор. Он разделён на две части. В первой стоит старая каменная баня и сарай, где отец держит инструменты. Рядом две уборные, оставшиеся от детского дома. Во второй половине — сад. Там растут абрикос, айва, фейхоа и старое дерево персика. Ствол у него пустой, сгорбленный, как у старика, но иногда оно ещё плодоносит. Когда все деревья в цвету, аромат стоит на всю округу. Кажется, будто находишься в райском саду. На айве висят качели из верёвок. Дети качаются по очереди. Старшим нравится вставать на качели ногами и раскачиваться так, что при спуске с высоты дух захватывает.

Вечером — праздничный ужин. Мама накрывает стол. Приготовила двух куриц с льянги — запах от них плывёт по всему двору, грецкий орех с алычовой пастой внутри, корочка хрустящая. Салатов наделала, плов с кишмишем, много зелени, маринованные баклажаны и компот из фейхоа.

Папа сидит за столом и зовёт меня сесть рядом. По случаю праздника он открывает водку, наливает в две стопки, говорит тост, велит выпить. Я не могу — никогда не пью при нём.

— Я разрешаю, — говорит он.

Но я не могу. Невозможно выветрить с меня то, что заложено ими же. Отец выпивает.

— Молодец! — говорит он. — Не пей никогда. От неё толку нет.

— Как день прошёл?

— Все нормально. Не могу нарадоваться что приехал. Тем более дети обещали спектакль показать.

После ужина отец спрашивает:

— Кто будет показывать спектакль?

Все дети встают перед ним, в один голос отвечая я.

— Давайте, покажите на что вы способны.

Решают показать один из спектаклей, который видели по телевизору. Надевают одежду родителей, а чтобы изображать старушек, берут старые бабушкины платья. Юбка ее выглядит так, будто много юбок одеты лестницей — одна поверх другой, называется туман. Наматывают

на головы её платки, выходят в круг и начинают представление. Изображают взрослых, разыгрывают целые сцены.

Они хотят быть как взрослые: важные, серьёзные. А получается смешно и трогательно. Им интересно, и мы веселимся, смеёмся до слёз. Бабушка, сидевшая в углу, качает головой, но глаза её светятся. Потом она делает вид, что сердится:

— Опять мои туманы разбросали!

Но мы видим: она рада. Потому что в доме — смех.

После представления у отца хорошее настроение. Он собирает детей и спрашивает:

— Кто папу любит? Пусть поднимет руку.

Все, кроме Вдохновения, поднимают руки и кричат, перебивая друг друга:

— Я! Я! Я!

И отец каждому даёт деньги — кому двадцать копеек, кому пятнадцать. Эти копейки значат для детей многое: можно купить мороженое, семечки или просто чувствовать себя богатым целый день. Потом он спрашивает:

— А кто маму любит?

И тогда только Вдохновение поднимает не одну руку, а две — чтобы больше было рук за маму. Отец смеётся и говорит:

— Ну раз маму любишь, пусть мама тебе и даёт деньги.

Он не даёт ему ничего. Вдохновение знает, что так и будет. Знал ещё до того, как поднимал руку. Мои братья и сестра любят маму не меньше. Они обожают её, каждый по-своему. Но в тот момент, когда на кону деньги, они выбирают папу. Я не осуждаю их — они дети, им хочется сладкого, хочется хоть что-то своё. Но Вдохновение не может по-другому.

Он видит в этом несправедливость. Мама делает для них всё. Она кормит, стирает, штопает одежду, молится за них, не спит по ночам. А в этой игре она остаётся ни с чем. И он не может сделать вид, что это правильно. Он поднимает руку за неё каждый раз, зная, что останется без денег. Зная, что братья получают свои копейки, а он — нет. И всё равно поднимает за неё.

Ему пять с половиной лет, и в нём уже живёт это неумение молчать, когда что-то не так. Нежелание продавать любовь к маме за деньги. Отец, видит это и, может быть, даже гордится. Но денег всё равно не даёт.

— Дай мне тоже денег, — требует он.

Но отец не даёт.

— Иди, пусть мама тебе даст, — отвечает отец.

Мама, тоже видя несправедливость, гладит его по голове и просит у отца деньги. Иногда даёт ему свои, из тех, что откладывала по копейкам. Но он знает: это не то. Он поднимает руку не ради денег. Он поднимает руку, потому что не может иначе.

Увидев эту сцену заново, я задумываюсь. В нём тогда было неприятие несправедливости. Тогда вырабатывалась непоколебимость — не изменять своё решение под нажимом обстоятельств и не продавать его за деньги. Наверное, это и есть характер. То, что дано человеку с самого рождения и только ждёт своего часа, чтобы проявиться.

После ужина смотрим кино, все ложатся спать. Завтра рано вставать — наступает Су Чершенбе.

Четыре Чершенбе

Сегодня праздник Су Чершенбе – Вторник Воды. Утром нас будит радио — программа утренней зарядки. Невидимый диктор командует: вытягивайте руки, расставляйте ноги, делайте по команде, начали. Считает: раз, два, три, четыре. Я просыпаюсь. Дети ленятся вставать. Зарядка заканчивается, передают мугам. Мугам — это наша классическая музыка,

душа азербайджанской музыки. Когда я слушаю мугам, он уносит меня в небеса — потому что это музыка, посланная Богом.

Еле открыв глаза, встают, одеваются, хотят умываться, забывают, что едем на речку, там и умоемся. Родители уже готовы. Мама одевает младшего брата, и мы, сонные, садимся в отцовский мотороллер с закрытым кузовом. Внутри мама стелет палас и кладет несколько подушек, чтобы было удобно. Папа трогается. Кузов закрыт, мы не знаем, в какую сторону реки он нас везёт. Река длинная.

Приезжаем к железному мосту. Народу много. Кто-то уже уезжает с речки. Из кузова выходят все восемь человек. Дети бегут к воде, папа окриком их останавливает — боится, что кто-то упадёт. Подходим к реке, она уже прозрачна, чем несколько дней назад. Отец нагибается, зачерпывает воду ладонями и умывается. Мама повторяет, я за ней. Дети постарше сами черпают воду, младших мама умывает. Дети брызгаются водой. Все поздравляют друг друга, даже незнакомые люди. Немного постояв, мама набирает воду в кувшин. Загружаемся в мотороллер и едем домой.

Дома мама из кувшина набирает воду в ладонь и брызгает на стены, на потолок — как будто освящает дом. Я смотрю, с какой заботой она это делает. Обойдя все комнаты, мама ставит кувшин на стол.

Дети рады, что побывали на речке. Играют. Вдохновение зовёт меня и с таинственным видом говорит:

— Посмотри, что у меня есть.

Показывает обложки спичечных коробков и фантики.

— Молодец, всех обыгрываешь?

— Да, мне везёт. Хочу собрать тысячу фантиков. Говорят, если отправить их на завод, подарят велосипед.

— Я тоже собирал в детстве. Собирай.

— Хочешь, поиграем?

— У меня нет фантиков.

— Я тебе дам.

Он выделяет мне немного. Мы играем. После игры я возвращаю все фантики ему, и он аккуратно их прячет.

Так идут дни. Не замечаем, как наступает Од Чершенбе — вторник огня. Мы разводим во дворе костёр и прыгаем через него. Мама не прыгает — она перешагивает медленно, осторожно, и в этот момент шепчет молитву. Огонь должен забрать всё плохое, что накопилось за год. До Новруза остаётся две недели.

— Надо побелить стены и сделать генеральную уборку, — говорит мама. — На следующей неделе будем готовить выпечку к праздничному столу, так что уборку надо начать на этой.

Отец занят своими делами. В их уборку не вмешивается. Чистота и уют в доме — мамина обязанность. Все работают как могут. Даже младшие братья пытаются помочь, но от них больше шума, чем помощи. Вдохновение тащит ведро с побелкой — мама кричит, чтобы он не надрывался и поставил ведро.

— Оно легкое, мама, тут же на дне немного осталось, — говорит Вдохновение.

Везде пахнет извёсткой. Мама моет окна, выбивает ковры и паласы, белить стены и потолок. Целую неделю мама с детьми работают. Дети уже устали, хотят играть, убегают во двор. Через неделю дом готов. Успели. Остались мелочи, штрихи.

Наступает Йел Чершенбе — вторник ветра. В этот день ветер приносит тепло, будит деревья, шумит в ветках. Чувствуется, что весна уже рядом.

Всю неделю мама готовит выпечку. Ей помогают несколько женщин-родственников: пекут пахлаву, шекербура, гогал и другие вкусности. В доме стоит невообразимый аромат. Запах корицы смешивается с запахом свежей выпечки. Выпечку сверху смазывают яичным желт-

ком, сливочным маслом, посыпают маком и кунжутом. На шекербура специальными щипцами делают узоры из прямых и ломаных линий.

Наступает последний вторник перед праздником Новруз — Торпаг Чершенбе, вторник земли. Самый главный.

Мы опять прыгаем через костёр. Нам весело, смеёмся, иногда боясь, что огонь лизнёт детям ноги.

Мама достаёт траву, которую мы называем узерлик (в России ее знают как гармалу обыкновенную). Она хранила её завернутой в газету. Кладёт в небольшую плоскую металлическую ёмкость с углями, и трава начинает дымить густым, горьковатым, но приятным дымом. Ставит эту посуду у порога, и мы один за другим перешагиваем через дым, входя в дом. Этот дым очищает от сглаза и защищает от болезней. Затем она берёт новую порцию узерлик и, поджигая, водит дымом над нашими головами, приговаривая:

«Узерлик, ты дыхание,
Всем недугам исцеление.
Кто моё дитя сглазит —
Пусть останется без глаз.»

Дети не понимают значение этих слов. Просто стоят, зажмурившись от дыма, и ждут, когда мама закончит. Она защищает нас. Своими руками, своей верой, своим шепотом.

В этот вечер мама готовит праздничный ужин. На столе обязательно рыба кутум с левенги — фаршированная орехами, луком и запечённая до золотистой корочки. Запах стоит на весь дом. Одну рыбу мы съедаем вечером, одну оставляем на праздничном столе. Мама говорит: это для Чершенбе баба (дедушка Чершенбе) — так ласково она называет эти четыре стихии.

Дети бегут зажигать на праздничном столе свечи. Каждый выбирает цвет, который ему нравится. Я выбираю зелёный. Ставлю свечи и для Ленор, Ромки и Эмилички. Вдохновение берёт красную. Зажигаем.

— Почему красный? — спрашиваю я.
— Цвет праздника, поэтому.
Мне нравится его ответ.
— А ты почему зелёный? — спрашивает он.
— Цвет жизни, — отвечаю я.
И он остаётся доволен моим ответом.

Я знаю, он за мной наблюдает. Впитывает то, что я делаю. Идём посмотреть, как горят свечи, не потухла ли какая. Если долго горит — значит человек будет долго жить, если быстро — недолго. Это для детей как соревнование, у кого дольше горит, тот и выиграл. Моя свеча сгорает быстро, как будто догадывается: мне пятьдесят пять лет.

Проснувшись утром, дети бегут проверять — приходил ли Чершенбе баба, съел ли кусочек рыбы. Иногда мама тайком отрывает кусочек, и они, увидев, начинают показывать друг другу: «Вот! Здесь съеден кусок! Он приходил!» Дети верят, а мама улыбается. Я понимаю: Чершенбе баба — это наша мама. И все чудеса нашей жизни заключаются в ней.

Новруз

Наступает Новруз байрам. День весеннего равноденствия. Для нас Новруз — это Новый год, пробуждение земли. Все четыре стихии соединяются, чтобы зародилась новая жизнь.

Мама собирает праздничный стол. Дети бегают вокруг, радуясь достатку и празднику. Ильгар берёт у мамы блюда с пахлавой, ставит на стол. Вдохновение раскладывает шоколадные конфеты по вазам. Ильгама занимается орехами, Вугар помогает красить яйца. Каждый при

деле, и всем это нравится. Они чувствуют себя частью этого праздничного изобилия. Завтра придут гости, надо достойно их встречать.

Я сижу и не могу нарадоваться на всю семью. Они как пчёлы: каждый старается быть полезным. Отец гордится ими. Анар, хоть маленький, тоже пытается что-то легонько отнести-принести, но в основном мешает. Дом кипит от работы.

Стол уже накрыт. На больших вазах горкой выпечка и шоколадные конфеты. В отдельных вазах — орехи. Над столом возвышается ваза с горга — жареной пшеницей, кукурузой, нутом, тыквенными семечками и кунжутом. Фрукты красуются отдельно.

Если украшением праздничного стола в Чершенбе была рыба с левенги, то украшением Новруза становятся крашенные яйца, горга и семени — пророщенные семена пшеницы. Мы снова зажигаем свечи.

На праздничный ужин мама приготовила плов с хрустящей корочкой на дне казана. С пловом мама подает курицу и дичь в левенги.

Мы, как всегда, сидим на полу вокруг скатерти из ситца (суфре). К ней у нас особое, почти священное отношение. Когда желают друг другу достатка, говорят: «Пусть Аллах даст достаток к вашему суфре». Поэтому на скатерть (суфре) нельзя наступать или перешагивать через неё — это табу, святотатство.

Отец в этот день сидит с нами. Его место во главе суфре, как сидели предки. Вдохновение сегодня рядом с мамой, а я рядом с отцом — он так велел. Он меня любит, знаю, просто у отцов не принято показывать любовь так же открыто, как у матерей.

Мама накладывает еду сначала отцу, потом мне и детям, в конце себе. Так заведено не нами, а предками. Отец редко говорит в такие минуты. Просто сидит, смотрит на нас, поздравит одним-двумя предложениями. Мама добавляет молитву, благодарит Бога за достаток, желает нам здоровья, благополучия. И мы знаем: всё будет хорошо. Мы — семья.

Двери дома открыты, чтобы любой желающий мог прийти и бросить на веранду свою кепку. Есть у нас такой обычай — гуршаг атды, дословно «бросить пояс». Раньше все носили поверх одежды пояса из парчи, как часть одежды, куда можно было положить деньги или безделушку. Вдохновение предлагает мне пойти к соседям и бросить кепку. Бросив её, спрячемся. Кепку замечают. Положив в нее угощения из праздничного стола выносят на крыльцо. Вдохновение украдкой забирает кепку. Смотрим что положили. Они, вероятно, нас увидели и поэтому кроме угощений положили два яйца и еще целых пятьдесят копеек. Вдохновение рад. Праздник ему нравится.

Зайдя во двор видим как Коса и Плешивый, играют на своих инструментах. Коса — старик с бородой, смешной и неуклюжий, а Плешивый — лысый, кривляка. Они танцуют, кривляются и поют песни, чтобы хозяева наполнили их мешки. Мы смеёмся до упаду. Мама собирает им с праздничного стола всякие вкусности. Они уходят, а вместе с ними уходят зима и невзгоды.

Утром одеваемся во всё новое и идём с родителями к праздничному столу, который вчера накрыли в зале. Угощаемся с этого стола. Все поздравляют друг друга с новым годом — с праздником Новруз. Завтракаем, берём по яйцу и бьёмся: у кого крепче, тот и выигрывает.

Начиная с этого дня все ходят друг к другу в гости. Первым делом мама сажает гостей за праздничный стол и угощает сладостями. У нас закон: если даже враг преступит порог в этот день, каждый должен простить его и помириться, всё забывается. Этот порядок установлен предками, и мы его неукоснительно соблюдаем.

Дедушка и Бабушка

Через день мы едем к дедушке и бабушке, поздравлять с праздником. Папа, как всегда, загружает нас в свой мотороллер. Мама заранее застелила кузов одеялом и положила подушки.

Деревня называется Даргуба. Это единственная деревня, где все говорят на азербайджанском, а вокруг — на талышском.

Мы въезжаем во двор. Мотороллер останавливается, и я первым спрыгиваю на землю. Оглядываюсь вокруг. Весна в деревне вовсю вступила в свои права. Запах цветов стоит на весь двор. Соловьи поют наперегонки, будто зазывают всех выйти во двор и обратить внимание на природу. В это время обычно дует Гилавар. В воздухе стоит аромат весны. Солнце светит не как обычно, а будто отдаёт долг за то, что зимой меньше грело.

Справа стоит высокий дом на каменном столбах. Под ним — подпол, такой высокий, что взрослый человек может войти не пригибаясь. Висят сети, которые дедушка плёл сам, и несколько удочек из тростника. Слева — тандырная. Из неё тянет жаром и дымком, а на очаге, в большом казане, плов — запах которого разносится по всему двору.

Несмотря на то, что газ провели в каждую деревню, бабушка любит готовить в очаге — так вкуснее. Говорит: в нём душа есть.

У них особое отношение к очагу. Если очаг горит — значит, жизнь продолжается. Для наших предков очаг был сакральным: символом жизни, рода и вечности. Огонь — это присутствие божественного в доме, место, где семья соединяется с предками. Считалось, что огонь не только сжигает дрова, но и зло, и болезни. Огонь в очаге всегда должен гореть.

В доме нас уже заметили, встают встречать. Мы со всеми здороваемся, обнимаемся и целуемся. Дедушка Гадир крепко обнимает меня и целует.

— Давно не виделись, — произносит он.

Я тоже крепко его обнимаю. Соскучился.

— Да, дедушка, уже больше сорока лет не виделись. Я очень рад тебя видеть.

Подходит бабушка Сафура. Первым делом берёт мою руку, целует, затем прикладывает её ко лбу. Не отпуская, тянет к себе, целует в щёчку. Сама не может выпрямиться, спина согнутая. Я чувствую не только тепло её костлявых, огрубевших от работы рук, но и тепло, исходящее из её души. Она смотрит на меня с такой любовью, будто освящает своим светом, исходящим из исхудавшего тела. Глаза её наполняются слезами. Я обнимаю её с той нежностью, с какой сын обнимает мать, будто вернулся после долгой разлуки. Целую в ответ. Слёзы наворачиваются у меня на глазах. Поздравляю её с праздником Новруз и желаю здоровья.

Бабушка целует детей в щёку, затем так же прикладывает их руки ко лбу. Так она показывает свою любовь. Это старый обычай, целовать руку. Считалось, что через это бабушка передаёт нам часть своей жизненной силы, мудрости и защиты. Вкладывает в нас свою любовь и молитву. Руки детей чисты, невинны и благословенны. Целуя их, она прикасается к этой чистоте, и сама получает благословение.

Она добрая и работающая. Стольких детей подняла, прокормила, воспитала — не сосчитать. От вечной работы, от того, что всю жизнь была согнута над очагом, над грядками, над рисовыми полями, спина её так и не выпрямилась. Может, болезнь какая была в позвонках, а может, просто жизнь так согнула — не распрямишь. Она всегда ходила полусогнутая, но глаза её были ясными и тёплыми.

На веранде не видно натянутых сетей. Дедушка на Новруз всегда их убирает, чтобы гостям не мешали. Приглашает пройти дальше в дом, чтобы не толпились у входа. Народу много. Когда я прохожу дальше, вижу дедушкин пиджак с орденами и медалями, висящий на вешалке. Он ветеран Великой Отечественной войны. Всегда на Девятое Мая и по особым праздникам надевает этот пиджак, и мы гордимся им. Сам он, как всегда, в своей папахе.

Бабушку никогда не называет по имени. Может в молодости шептали имена друг друга, но при других это было табу. Так принято. Поэтому он говорит просто:

— Дочь Гулама, приглашай всех к столу.

Мы все вслед за бабушкой проходим в комнату, где накрыт праздничный стол. Чайник дымится, и стоит приятный аромат бергамота. Чай разливают по армуды. Угощаемся, пьём чай. Дети берут по крашеному яйцу и бьются ими с двоюродными братьями.

Попив ароматный чай, мы переходим в другую комнату. Там пол глиняный и дедушка специально не застилает его досками. Говорит: так ближе к земле, так тело отдыхает. Поверх глины лежит камышовая циновка — хесир, а на ней расстелен палас. В стенах есть углубления, тахча, где стоят блюда и пиалы. В углу стоит буржуйка, и в комнате тепло. Мы садимся прямо на пол, на подушки (для сидения) и разговариваем.

Дедушка спрашивает у меня:

— Как твоё здоровье? Как семья? Надолго ли приехал?

— Всё хорошо. Все живы-здоровы, привет передают. А надолго — пока не знаю.

— Ты как поживаешь? — спрашиваю я. — Ходишь на рыбалку? Есть рыба в реке?

— Рыбы полно. Часто хожу. На праздник вот не хожу, гостей много. А хочешь, после праздников вместе сходим?

— С огромным удовольствием.

Дедушка улыбается, и я вижу в его глазах тот же огонёк, что и в детстве, когда он брал меня с собой на реку.

Бабушка интересуется, кто из родственников уже приходил поздравлять. В этот день все ждут, кто к ним в дверь постучится — это особая честь. Отец, посмотрев на часы, говорит:

— Надо ехать. К нам тоже могут приехать, и нехорошо будет, если нас не застанут.

Зовём детей. Обнимаемся со всеми, желаем друг другу здоровья, благополучия, достатка в новом году.

Садясь в мотороллер, я оглядываюсь и вижу, как бабушка направляется к своему любимому месту — к главному окну (келле пенчере). Я ещё успеваю увидеть, как она садится на невысокий, широкий подоконник и с тоской смотрит на горы. Молча и подолгу. Она смотрит туда, откуда сама пришла. Из гор, где остались её молодость, её корни. Она всю жизнь тосковала. Даже когда была уже старой, даже когда внуки и правнуки были рядом, она садилась у окна и смотрела на горы. И в этом взгляде было столько, что не передать словами.

Теперь, когда я вспоминаю её, я вижу именно такой: полусогнутая, с ясными глазами, сидящая у главного окна (келле пенчере) и глядящая туда, где небо встречается с горами. Она ушла. Но в этом окне она осталась навсегда.

Когда-то всё это было просто жизнью. Мы не думали, что делаем что-то особенное. Нам было интересно: мы просто ходили на реку, просто прыгали через костёр, просто бились яйцами. А сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: это были не просто дни, не просто костёр, не просто праздник. Это были обычаи, дошедшие до нас через века. Это самая лучшая пора в жизни каждого человека. Это детство с его безусловной любовью и доверием ко всем без исключения.

Во взрослой жизни все эти праздники потеряют свою остроту. Мы уже не будем с таким же рвением биться крашеными яйцами, пытаться острым концом попасть немного в бок яйца соперника. Таким же с интересом смотреть, как горят свечи, как танцуют и кривляются Коса и Плешивый, не будем бросать кепки к соседям и смотреть, сколько чего они положили и сколько денег там. Всё потеряет остроту. Но мы должны детям передавать эти обычаи, ибо они определяют нашу идентичность.

Лейсан (ливень)

Дни проходят то солнечно, то дождливо. Ночью идет лейсан. Я произношу это слово ласково, с любовью, включая в него всю нежность. Он у нас особенный, субтропический, щедр до расточительности. Небо разверзается, и вода обрушивается на землю сплошной стеной. Не

капает даже, а идёт потоками. На крыше стоит такой грохот, будто по ней бьют барабанщики, и их барабаны не замолкают ни на минуту, пока небу не надоедает лить.

Просыпаюсь от этого грохота. Волнуюсь и сажусь на табуретку у окна. Такое ощущение, что вода своим потоком унесёт дом, двор, калитку, улицу, все дома вокруг и весь город. Унесёт прямо на море. Нет, не утопит, а просто скажет: пожили на земле, а сейчас поживите на воде, на волнах. Он же не знает, как мы привязаны к земле — мы сами из земли.

Долго смотрю на эту стену дождя, а затем ложусь. Под ритмичный стук капель, стремящихся вниз, снова засыпаю — и сплю крепче, как в самую тихую ночь. Есть в этом что-то убаюкивающее, почти материнское: шум воды за окном, тепло под одеялом и чувство, что мир не рушится, а заново рождается. Уже ничто не может меня разбудить, кроме грохота грома. А когда гром гремит, я открываю глаза и понимаю: как у нас говорят — Гары нене (старая бабушка) на своих каменных жерновах пшеницу на муку перемалывает. Думаю: пусть работает, — и засыпаю.

Утром лейсана нет. Появляется солнце. В воздухе стоит запах приятной свежескошенной травы. От испарений влаги становится душно.

Днём лейсан всегда предупреждает о своём появлении — такое ощущение, что говорит: «расходитесь по домам, а то намокнете до нитки». Днём ливень дарит другие эмоции. Дует лёгкий ветерок. У воздуха появляется запах — ветер приносит этот запах дождя. Да, у дождя тоже есть запах. Всё вокруг сереет, расплывается, теряет очертания, и мир превращается в одну сплошную, движущуюся воду. Кажется, что сама стихия наконец вырвалась на свободу и теперь празднует своё освобождение. Вода стоит по колено, не уходит со двора. Мама берёт кирпичи и делает островки, куда можно ступить, чтобы не намочить ноги.

И есть в этих ливнях что-то такое... волшебное, что ли. У нас говорят: такой ливень льёт, что, если взяться за конец дождевой струйки, за самую нижнюю её нить, можно подняться по ней прямо на небо. Потому что в такие минуты небо и земля уже не отдельные, они соединяются, сливаются, обнимают друг друга в этом водяном объятии, и граница между ними исчезает.

После обеда опять начинается лейсан. Я люблю смотреть на него. Дети смотрят из окна. Будто природа показывает нам спектакль, и мы как зрители, зачарованные этим представлением. Мама сидит в маленькой комнате и нас не видит. Надо воспользоваться моментом. Выйти во двор и слиться с этим потоком воды с неба в его танце и стать с ним одним целым. Закатываю брюки до колен и выбегаю под лейсан. Дети бегут следом, кроме маленьких. Они бегают по лужам, поднимая брызги, будто всадники, скачущие по реке. Мама видит это и кричит: «Зайдите в дом! Заболеете!»

Мы не слушаемся, ловим ртами капли, прыгаем по лужам. А потом, мокрые до нитки, вбегаем в дом, и мама ворчит, заворачивает детей в сухое, поит чаем.

Я встаю под козырёк крыши, смотрю на эту стену дождя и верю: да, можно. Можно взяться за струйку, как за верёвку, и уйти вверх, туда, откуда всё это льётся. Где, наверное, так же чисто и свежо, как здесь, под дождём, только ещё светлее. Я просто стою и слушаю грохот по крыше. И дышу. Особенно после ливня — тем свежим, пахнущим травами воздухом, от которого кружится голова. И все счастливы.

Мы в детстве не знаем, что такое счастье, мы просто живём. Живём полной жизнью, как и многие миллионы детей, которые радуются мелочам — дождю, снегу, новой игрушке, пятнадцати копейкам, даже одному маминому взгляду и даже одному маминому прикосновению. Мы счастливы, засыпая на груди матери, спокойно и беззаботно.

После весенних ливней наступают жаркие дни. Солнце греет землю. Земля, поглощая влагу, лишнюю не берет, а отдаёт воздуху. Воздух становится липким, тяжёлым, как в парилке. Через некоторое время везде становится сухо.

Восход

Утром Солнце будит меня. Поднимаясь, заходит в гости через главное окно, щекочет лучами наши лица, будит нас. Мы не единственные, кого оно будит. Поднимается выше, чтобы успеть заглянуть в другие дома, пощекотать своими лучами лица других детей, заставить их открыть глаза, чтобы выйти на улицу играть. Мы каждое утро ждём его в гости и Солнце спешит ко всем. Освещая целый день всё вокруг, уходит за Талышские горы, чтобы отдохнуть, набраться жара и опять утром родиться заново на синих волнах Хазара.

С Вдохновением договариваемся следующим утром сходить на море. Уйти надо рано, чтобы наблюдать за восходом. Мне хочется побыть вдвоём, рассказать о цели своего приезда. Рано утром потихоньку бужу его, чтобы остальные не проснулись.

— Пойдём на море, — говорю я.

— В такое время года мы не ходим на море, — забыв о вчерашнем обещании, отвечает мальчик.

— Не купаться, а просто надо успеть к восходу солнца. Мы же договорились вечером.

Мальчик, вспомнив вчерашний разговор, поворчав, одевается. Он бы ещё немного повалялся в постели. Взяв с собой завтрак, идём на море. Я тяну его за руку, торопясь. Он быстро устаёт, и я сажаю его на плечи. Вдохновение окончательно просыпается и сверху что-то мне рассказывает. На море штиль и Хазар еле слышными волнами ударяет об берег. Мы приходим вовремя. Мальчик говорит:

— Смотри, Солнце догур — дословно «рожает».

Я задумываюсь. Почему мы говорим «рожает», а не «восходит»? Может, люди раньше верили, что старое Солнце, которое ушло за горы, рождает новое? И старое Солнце, рождая, рождается новым? Как бы там ни было, нам привычнее и милее говорить «догур» — рождает.

Видим, как рождаются первые лучи. Они прорезают облака, которые отстали от своих братьев и сестёр, когда ветер их гнал в другие края. Эти лучи окрашивают облака в разные цвета — от светло-жёлтого до багрово-красного. По мере появления Солнца облака тут же исчезают, догоняя своих братьев и сестёр, как дети, когда появляется отец.

Солнце вступает в свои права, мир принадлежит ему. Будто догадывается, что со своим приходом приносит жизнь. Оно не спеша поднимается и освещает волны Хазара, создавая узоры, похожие на те, что на бабушкином ковре, окрашивая волны красками, отличными от тех, что освещали облака. Только этот ковёр не лежит на полу — он парит на волнах Хазара, словно готовый подняться в небо вслед за солнцем. Узоры на волнах переливаются, дрожат и будто живые. Кажется, ещё миг — и ковёр взлетит на небо, заберёт все свои краски, раздаст их радуге, другим планетам, всему, до чего дотянутся его лучи. А на волнах останется только свет. Создаётся ощущение, что это не вчерашнее солнце, а новое, рождённое то ли в глубинах моря, то ли величественные горы подкинули нам подкидыша, прекраснее вчерашнего.

Вдохновение восхищён. Он зачарованно смотрит на это представление и потрясён. Он никогда не видел такого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.